

ЕЛЕНА УСАЧЕВА
ДЕТИ СТРАХА
И ДРУГИЕ УЖАСНЫЕ ИСТОРИИ

БОЛЬШАЯ
СТРАШНАЯ
КНИГА

Елена Александровна Усачева
Дети страха и другие
ужасные истории
Серия «Большая страшная книга»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=61073413

*Дети страха и другие ужасные истории / Е. Усачёва: АСТ; Москва;
2020*

ISBN 978-5-17-116652-6

Аннотация

Елена Усачёва – известный писатель, автор более сорока книг для детей и подростков, лауреат литературной премии имени С. Михалкова. В эту мистическую книгу включены три повести о детях, которые неожиданно столкнулись с потусторонней реальностью, – «Дети страха», «Любовное письмо с того света» и «Шкатулка с неприятностями». Жил себе ребенок, как все, в школу ходил, на родителей обижался, и вдруг – хлоп! – и вокруг него начинают происходить чудеса. Но какие-то неприятные: нечисть всякая пристает, требует внимания и даже любви. Вот как трудно живется современным продвинутым детям! Для среднего школьного возраста.

Содержание

Дети страха	5
Глава 1	5
Глава 2	19
Глава 3	40
Глава 4	66
Глава 5	87
Конец ознакомительного фрагмента.	92

**Елена Александровна
Усачёва**

**Дети страха и другие
ужасные истории**

Повести

© Усачёва Е.А., 2020

© Ил. на обл., Рязанцева М.В., 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2020

Дети страха

Глава 1

Анжела-вампи́р, дед с красным лицом и другие знакомые

Вечер прошел в унылом сидении на площадке. Физрук Титомирыч как всегда врубил свой любимый диск с музыкой «кому за 50». Под нее прыгали только малыши. Первый отряд с вожатыми ушел за территорию лагеря на костер. А второй сидел на лавочках вдоль площадки и протухал. Пацаны по одному утекали через кусты за клуб и дальше теми же кустам по своим интересам. Возвращаться в палаты было запрещено категорически – старший вожатый шнырял по корпусам с проверкой. На площадку вышел начальник лагеря Квадрат. Звали его Сергей Сергеевич. То есть Сергей в квадрате. Невысокий, полный, с добродушной улыбкой, он с таким восторгом смотрел на малышей, так задорно подпри-топывал под вынимающую душу «тунц-тунц», что Нинка закрыла глаза.

– Тоска, – прошептала она. – Сколько?

– Две недели.

На ответ Нинка головы не повернула, продолжая прислу-

шиваться к своему внутреннему голосу, который говорил, что надо валить. И не только с этой площадки подальше от зверских завываний, но и вообще из лагеря. Выйти за ворота, сделать ручкой, сказать всем: «Прощай навек!» и раствориться в сумерках. Две недели. Еще две недели. Как срок. Как приговор. Надо было себя чем-то развлечь.

– А в прошлом году тут ничего было. Мороженое после обеда.

– И на дискотеку местных пускали. Физрук другой был. Пингвина помнишь? С ним вообще все можно было. Пацаны реперов запускали. А Анжелка пела.

Нинка открыла глаза. Говорили сидевшие рядом девчонки, соседки по палате. Имена их Нинка за неделю не запомнила и не собиралась. Им осталось здесь прожить полмесяца, и больше они никогда не встретятся. Зачем ей их имена?

– Идиотское имя Анжела, – уронила в пустоту перед собой Нинка.

– Нормальное, – пискнула красотка с пушистыми светлыми волосами. – И девчонка была хорошая.

– Ты знаешь хотя бы одного приличного человека с таким именем? – Нинка упорно смотрела на прыгающую мелюзгу.

– Анжела – это то же самое, что Энджи, ангел. – Голос красотки дрогнул – она была готова защищать неведомую певунью. Есть такие альтруисты. О людях только хорошее говорят.

Нинка лениво фыркнула. Тунц-тунц сменился медляком.

От невыносимости всего этого стрельнуло между ушей.

— Знала я одну Анжелику, — словно через силу произнесла Нинка. — Красивая была. Такая же, как ты, — кивнула она на блондинку, и у той из глаз тут же улетучилась готовность спорить за прошлых ангелов. — Чего там она — пела или плясала, — не помню. Но была вся такая... — Нинка поморщилась, словно у нее враз заболело горло. Собеседницы потянулись к ней, опасаясь, что на этом рассказ кончится. — Пушистая. Любила... — Нинка покосилась направо-налево... — кольца. У нее один такой был крупный перстень, с камнем большим. Она когда их несколько нацепляла, то перстни, ударяясь друг о друга, клацали — «клак, клак». Говорит и так рукой поигрывает — «клак, клак».

Нинка шевельнула пальцами, прислушалась. «Ты меня любишь!» — обреченно взывал певец. И следом монументально, словно дома роняли — та-дам, та-дам.

— И с каждым днем колец прибавлялось. У нее этих украшений уже по три штуки на каждом пальце, — продолжила рассказ Нинка. — Однажды я на одном колечке пятнышко заметила. Красное. Откуда? Мы вроде все время в школе. Где тут испачкаться? Она трет пятно, а оно не сходит. Дальше — хуже. На новых кольцах все больше и больше пятен стало появляться. Эта Энжди как в школу приходила, сразу руки под воду совала. Вода с ее пальцев красная текла. И вот однажды сидит она в классе, и вдруг директриса заходит. Энжди всплеснула руками, и во все стороны кровь брызнула.

Так всех и залила. Потом выяснилось, что она вампир. Людей убивала, кольца с них снимала и на себя напяливала. И вот стали ее жертвы воскресать. И от этого на кольцах пятна появились. Последней директриса, вот она и пришла к своей убийце. От этого и кровь пошла.

– Что за бред? – раздалось у Нинки за спиной. Парень какой-то сказал. Голос хрипловатый. Вроде не из второго. Нинка почувствовала, что сидевшие рядом девчонки дернулись на реплику, но сама приморозила взгляд к танцующим малышам.

– Кому и бред, а кто-то колечко трет.

Все на лавке опять дернулись. Сидящая слева девчонка, худая, с короткой стрижкой и большими глупо-оленьими глазами, сунула руки под себя.

– Чего сразу трет? – буркнула с глазами.

– Вот дуры, – зачекинил событие парень за спиной.

– Иди отсюда, – зашикали на него красotka и ее соседка с косой.

– И вообще – так не бывает, – буркнула глазастая.

– Значит, Анжела с песнями и красивая бывает, а Анжела с кольцами и кровью нет? – Нинка не отрывала взгляда от танцующей перед ней пары. – Она уже давно мертвяк была. Я мертвяков за версту чую.

– Как это? – опешила красotka. Было видно, что ее радужно-розовый мир испытывает сильное потрясение.

– А ты что, никогда мертвых в руках не держала?

Наступила пауза. Не из-за вопроса. Музыка удачно смолкла. Малыши завyli и заозирались. Пульт, выдающий музыку, стоял за лавками. Все уставились на него, а получилось, как будто смотрели на разговаривающих девчонок. Красотка занервничала, стала дергать на себе юбку. Но тут из колонок грянуло очередное бумцанье. Малыши завизжали, запрыгали.

– Как это? – голос красотки упал до сипения.

– Ничего сложного! Известно, что тот, кто мертвого в руке подержит, потом любого мертвяка определит.

Нинка медленно повернулась к глазастой. Та уже успела вытащить из-под себя руки, но заметив, что на нее смотрят, опять их туда сунула.

– А чего? – пробормотала она рассеянно.

– С тобой – ничего, – отрезала Нинка.

Замолчали. Сзади сплунули и зашуршали. Нинка опять почувствовала, что девчонки рядом заозирались.

– Кто это был? – спросила с косой.

– Кажется, из первого, – прошептала красотка.

– Они же на костре, – напомнила глазастая.

– Этот... – Красотка споткнулась. – Он у них в изоляторе лежал.

– Ты откуда знаешь? – фыркнула с косой.

Красотка замялась, стала поправлять волосы и одергивать юбку.

– Он сразу в изолятор попал, – за нее ответила с глазами. –

У него аллергия на что-то.

– Вы ходили в первый отряд? – не выпускала подружек из хватки своих вопросов с косой.

Нинка не выдержала и качнула головой, чтобы посмотреть на непонятливую с косой. Им скорее сложно было не попасть в первый отряд, чем попасть в него – все жили в одном корпусе, на одном этаже. Палаты мальчиков налево, палаты девочек направо. У первого отрядный уголок в левой игровой, у второго – в правой. И за этой игровой – комнаты вожатых. Где тут теряться? Все лица примелькались. А этого плевуна, вероятно, нет, раз про него спрашивают.

Девчонки через Нинку стали выяснять, кто и где видел обитателя изолятора, и это уже был перебор. Вместе с душевынимающей песней про три дня на любовь рассуждения о парнях Нинку заставили встать.

– Ты куда? – отреагировала на движение с косой.

Нинка не спеша повернулась и посмотрела на красотку. У нее было точено-кукольное личико, с маленьким аккуратным носиком и узким подбородком. Спала она около окна.

– Например, кошка, – произнесла Нинка. – Я несколько раз держала в руках дохлую кошку. Один раз сарай разбирали. А она застряла в гитаре. Между струн. И сдохла. Пришлось ее оттуда по частям вытаскивать. А другой раз у соседей под забором все лето дохлые кошки находились. А они же воняют.

Красотка неуверенно качнула головой. О том, как пахнут

мертвые, она имела смутные представления. Но было видно, что ей хватило рассказа про кошку в гитаре.

– Но как? – пискнула она. – Она же мертвая.

Нинка пожала плечами.

– Нас постоянно окружают мертвые. А мы и ничего, не дергаемся.

Красотка открывала и закрывала рот. Противник был сражен.

– Но ведь жалко, – еще зачем-то барахталась красотка.

– Тебя, что ли?

Красотку – да, ее было жалко – нижняя губа дрожала, челка ползла на глаза, на щеках наличествовала бледность. С косой погладила ее по руке.

– Зачем? – Нинка подпустила в голос равнодушия. – Она же мертвая. Ей все равно.

Музыка опять сменилась на медляк.

– Убью! – взвизгнули в толпе мелких. Из круговорота танцующих вынырнул пацан, темные волосы стояли дыбом. За ним неслась девчонка с закрученными в тугие спирали кудрявыми волосами. Она не успевала. Пацан очень шустро проскочил мимо взрослых и устремился в темноту корпусов. Девчонка швырнула ему вслед тапку. Тапка повторила маршрут пацана и точно вошла ему между лопаток. Пацан подпрыгнул и прибавил скорость. Через мгновение на дорожке осталась лежать одинокая тапка.

– Пося, ты покойник! – в запале крикнула девчонка. К ней

торопилась вожатая со зверским выражением лица.

Нинка скривила губы. Покойник – это хорошо. Непонятно только – кто.

У тапки нарисовался взрослый пацан. Он пнул ее и ушел в тень. Нинка уже почти отвернулась, когда что-то задело. Деталь. Посмотрела опять. Тапка. Дорожка. Фонарь. За ним – темнота. А перед этим стоял парень. Что-то было. Руки в карманах. Шорты, длинные, до колен. Тощий. Сутулый. Повернулся.

Нинка сглотнула. Что-то было, такое... Вроде как заметное. Потом посмотрит.

Она пошла к корпусу. Что хорошо в лагерях? Рассказываешь историю, а потом забываешь про людей. Потому что никогда с ними не встретишься. Город бесконечный. Пересечения случайны. Это если, конечно, не стараться зачатиться в соцсетях. Но Нинка этого делать не будет.

Квадрат с сутулым старшим вожатым прошли от танцплощадки к столовой. Перед сном всем выдадут поздний ужин – кефир. Обычно с печеньем. Но в этот раз все печенье забрал первый отряд. Случайно. Им велели взять из коробки, а они взяли всю коробку. Кто-то об этом кричал перед дискотекой. Кажется, вожатая малышей. Наедятся теперь старшаки печенья с чаем до отвала.

Нинка свернула к корпусу. Дверь была закрыта. Зато открыты окна. Подтянуться, перекинуть себя через подоконник, миновать батарею, ботинками по покрывалу кровати

красотки и к себе.

Палата была большая – на двенадцать кроватей, по шесть вдоль стены. Нинка упала на третью от двери. Центр. Все как она любит.

– Пося! Стой! Все равно не уйдешь! – все еще пыталась добиться непонятно чего поклонница шустрого Поси.

Ползла вечерняя прохлада. Топот. Шуршание. Что-то царапнуло стену корпуса. Стало жарче, словно закрыли окно.

– Никакой Анжелы не было.

С косой. Поначалу Нинка думала на красотку. Она была въедливей. Но по вопросам специалистом оказалась с косой. Еще и правдоруб.

– Ты все выдумала.

До кефира полчаса. А ведь можно было нормально время провести, глядя в темный потолок.

Помимо всех остальных бед у этого места в первый же день нарисовалась главная БЕДА – отсутствие связи. Это была какая-то дыра мира, вселенская впадина, где телефоны брали с трудом, а инет вообще не ловился. Спасали только стационарные компьютеры в игровой. Но там вечно висели малыши. Без шансов. Поэтому выбор самостоятельных занятий был широк – смотреть направо, смотреть налево и в потолок. Потолок в темной палате – это было самое интересное.

– Тебе что надо? – лениво спросила Нинка.

С косой лежала локтями на подоконнике, торчала башкой

в проеме – мешала проходу свежего воздуха.

– Я вот всего этого боюсь, – прошептала с косой. – А ты так легко рассказываешь.

Понятно, скучает. В этом лагере все скучают.

– В прошлом году никакой Анжелы тоже не было, – решила примириться с действительностью Нинка.

– Была. Только пела плохо. Этих певцов было – тьма. Они даже надоели.

Нинка перевела взгляд на потолок. Пока не появилась с косой, там можно было рассмотреть целый мир. Мелькали тени, переплетался рисунок, рождались истории. Телевизор не нужен.

– Была.

– Пося! Пося! – орали уже хрипло, но все тонуло в шорохе голосов – малышей уводили с площадки, и враги неминуемо встретились в одном строю. Если у Поси нет сковородки отбиваться, то он точно труп.

– Ты чего молчишь? – не выдержала паузы с косой.

– Я же говорю – была.

– Кто?

– Кошка. Она застряла между струн. Давно. Мумией стала.

– Это же противно!

– Так страшно или противно?

– Да ну... – заерзала локтями по подоконнику с косой. – Это же смерть. Разве в нее можно играть?

– Пося! – запоздало крикнули на улице. – Немедленно в строй! Я кому сказала.

Шустрый Пося все-таки сбежал. А звала его вожатая со зверским лицом. Или вторая вожатая. Но у нее тоже лицо вряд ли было добрым. Все-таки дети. С ними быстро дичаешь.

– Я не играю, – еле слышно произнесла Нинка. – Почему про Анджелу с песнями – это нормально, а про кошку – нет? Обыкновенная жизнь. В ней есть и смерть. У меня дед на скотобойне работал. Столько мертвых перевидал. А как уволился, бабка заметила, что по ночам у него лицо красным становится.

– Давление что ли? – С косой стукнула локтем по подоконнику, как будто пыталась отползти по-тихому, но у нее это не получилось.

– Так всегда бывает у мертвяков. Днем еще вроде ничего, на человека похож, а ночью лицо краснеет. Никто не замечал, а потом как увидели, все...

Нинка шевельнулась, кровать под ней взвизгнула пружиной.

– Что все? – В голосе с косой появился испуг. Скажи ей сейчас, что у нее за спиной дед с красным лицом стоит, визжать начнет.

– Исчез. Когда мертвяков открывают, они прячутся. Забираются под землю, в подвал какой-нибудь или специально схрон делают, и ждут. – Здесь можно было сделать паузу

и дожждаться, когда с косою задаст логичный вопрос. Но говорить с ней Нинке уже расхотелось. Скучная она была какая-то, неинтересная. Поэтому не надо вопросов. – Ждут, когда время придет, и они смогут выползти. Их же там много. Как выберутся, так мир и захватят. Хотя – нет, не захватят. Ученые давно доказали, что вампиров не существует. Для существования им понадобилось бы по человеку в день. Каждый укушенный превращается в вампира, и тому тоже надо по человеку. Короче, за полгода человечество бы закончилось. А мы все еще есть. Значит, вампиров нет.

Что-то там у с косою в конструкции щелкнуло, и она сползла с подоконника. Шарниры разболтались, надо подкручивать. В палату сразу ворвался свежий воздух и крик: «Для чего люди двери придумали? Чтобы вы в окна лазили? Быстро к своему отряду!» Затрещали кусты – с косою пошла по прямой. Крик старшего вожатого такой, придает ускорение, близкое к сверхзвуковой. А кусты не жасмин. Как только густо-зеленые ветки обильно зацвели крупными белыми цветами, все в один голос заговорили о жасмине. Но в Нинкиной голове жасмин прочно ассоциировался с югом, на который она не ездила, а у них тут был совсем не юг. Покопавшись в инете – компьютер был у кружковцев, – она с радостью узнала, что облепленные белыми цветами кусты называются чубушник, родственник гортензии. И никакого романтизма. Обман, как и этот лагерь – сплошной чубушник.

На улице шумели: испытание под названием «дискотека»

закончилось. Сейчас откроют дверь в корпус, включают свет.

Зашуршало. Но уже не робко, а уверенно, словно по закону права. Качнулся воздух. Грохнуло.

– Да какого!

Мужской голос. Крякнула кровать.

От неожиданности Нинка села. Парень стоял около кровати красоти и пытался что-то в ней поправить. Услышав за спиной движение, вздрогнул. Выпустил свой угол. Он стукнул, заметно накренив всю конструкцию.

– Черт! Я думал, вожатые. Ты чего здесь?

Он стоял против неуверенного света из окна, поэтому Нинка не могла сказать определенно. Но голос. Та же ленивая интонация, как у аллергика из изолятора. Вот говоривший повернулся в профиль, и Нинка поняла, что ее задело там, на площадке. Чубчик. Она такого и не видела никогда. Волосы у аллергика не падали на лоб, а вздымались вверх, как у героя французского комикса Тинтина. Он еще мастил чем-то. Слишком уж волосы четко стояли вверх.

Нинка смотрела молча. Парень попытался было снова взяться за кровать, но смутился пристального взгляда и бросил.

– Хорошо байки треплешь.

Нинка молчала.

Парень еще мгновение постоял, глянул в окно.

– Ну, я пойду.

Скрипя подошвами кед по линолеуму, он прошел через

палату, выглянул за дверь. В коридорах стояла тишина.

– А у тебя аллергия на что? – очнулась Нинка.

– На солнце, – буркнул парень, уже выходя из палаты. –

Пятнами покрываюсь.

Нинка мысленно перебрала, что у нее лежит в тумбочке. Вроде ничего ценного. Вспомнила про шоколадный батончик, проверила. На месте.

Пятнами. Интересно.

Ухнула входная дверь, в коридоре загорелся свет. Спокойная жизнь кончилась.

Глава 2

Игра в смерть

Она хотела его убить. На самом деле. Стояла, зажав камень в руке, лицо бледное и сосредоточенное.

– Ты не жилец! – процедила кудрявая.

– Сама ты дура, – спокойно отозвался Пося. Он прижался к стене, ни вправо, ни влево дернуться не мог. А перед ним стояла она, его смерть. С камнем.

– Достал уже.

Она почему-то тянула время, не бросала. Хотя давно уже могла это сделать.

– Сама достала, – лениво упирался Пося.

– Урод!

– Дура!

– Покойник!

– А ты некрасивая!

Это он зря!

Полетел камень. Пося присел. Камень врезался в стену и рассыпался, оказавшись известняком. Крошки застучали по темной голове.

– Еще и кривая, – удовлетворенно произнес Пося.

Он даже не думал убежать. Хотя кудрявая сжала кулаки и как-то совсем нехорошо позеленела лицом.

– А дальше что? – спросила Нинка.

Вошедшие в свои роли герои не сразу отозвались. Несколько мгновений еще буравили друг друга взглядами и только потом подняли головы. Нинка выглядывала со второго этажа. Странно, что эта мелюзга постоянно попадалась ей на пути. Они, конечно, дернулись. Но Нинка не была похожа на взрослую или вожатого, поэтому все остались на своих местах.

– Я его убью и все, – жестко произнесла кудрявая.

– А потом? – не отставала Нинка. – Когда он умрет?

На втором этаже были окна изолятора, здесь же была медчасть. Нинку послали за перекисью и ватой – кто-то из пацанов разбил колени.

– Чего это я умру? – не согласился Пося.

– Он стухнет, – все так же жестко прервала возражения оппонента кудрявая.

– Интересно, – произнесла Нинка. – Погодите.

Медсестры не было, ждать ее Нинке надоело, а тут такое развлечение. К ее удивлению, они дождались. Только Пося уже не стоял, прижатый к стене, а вышел к крыльцу. Ему, видимо, тоже стало любопытно, что с ним станет.

– Давай похороним? – легко предложила Нинка.

Кудрявая с сомнением посмотрела на Посю, словно он был чем-то нехорош для такого обряда.

– А где? – все еще неуверенным голосом спросила она.

– Да за клубом.

– Больно? – побеспокоился о своей судьбе Пося.

– Не должно.

Кудрявая пнула камешек, поковыряла мыском трещину в асфальте. Буркнула:

– Не хочу. Не интересно.

И резко взяла с места. Нинка с Посей проводили ее взглядом.

– Ну и я не хочу, – хохотнул Пося.

– Почему? – опешила Нинка. Затея ей показалась прикольной.

– Потому что я не умер! – крикнул он и понесся следом за кудрявой. – И никогда не умру! – добавил он, на мгновение повернувшись. Чуть не налетел на медсестру, но быстро выровнялся и нырнул в кусты.

– Это что у вас за разговоры такие? – напустилась на Нинку медсестра.

– Мне перекись и вата нужна. У нас один ногу разбил.

– Пускай ко мне идет. А то вы тут будете ноги разбивать, а мне отвечать.

Медсестра, невысокая, бойкая, пожилая женщина, стала подниматься по ступенькам.

– Какой отряд? – спросила она около двери.

– У вас парень несколько дней в изоляторе лежал. – Нинка пропустила вопрос. – Что у него было?

– Из первого? Отравился. Решил доест колбасу, которую ему родители дали в дорогу. А ты тоже из первого?

Нинка кивнула.

Какой неожиданный поворот. Никому бы не хотелось оказаться в изоляторе из-за отравления родительской колбасой. Аллергия лучше.

За кустами раздались голоса, и Нинка от крыльца спряталась за клумбу с высокими глазастыми мальвами.

К корпусу вышел Тинтин. Один. Кто-то его, видимо, отправил сюда, вот он и пришел. Нинка мысленно подняла палец и выстрелила.

Пах!

Он должен был упасть. Красиво. Вскинуть глаза, полные расплескавшегося удивления. И рухнуть. Либо плашмя на спину. Либо сломаться в коленях и обвалиться кулем.

Тинтин мазнул по клумбе взглядом и улыбнулся.

Вы замечали, что у всех мертвых одинаковые улыбки?

Нинка выбралась из своего укрытия. Чего она прячется? Как будто что-то произошло. А ничего ведь не случилось. И не случится. Еще две недели.

Через час выяснилось, что медичка любитель держать людей в изоляторе. Парень с разбитой коленкой ушел и не вернулся. Сказали, утром отпустят. Будут следить, нет ли заражения.

Вопрос с заражением активно обсуждался на пляже.

– Как можно заразиться, если ты всего-навсего коленку поцарапал? – авторитетно возмущалась та, что с большими глазами.

– А если грязь попала? – осторожно возразила красотка.

Она стелила полотенце, старательно оглаживая концы.

Нинка сидела под деревом. На корне. Загорать не хотелось. Купаться тем более. Неширокая река с серо-зеленой тяжелой водой не внушала доверия. Там наверняка водились лягушки и водомерки. Глубина была по пояс. Только ил с тиной ворошить.

– Так землю специально прикладывают к ранам. Она затянуться помогает.

Глазастая сыпала народной мудростью. Нинка фыркнула. И хоть она была далеко, девчонки обернулись. С косой посмотрела в тревоге и потеряла нос.

– Чего? – звонко крикнула красотка. – Чего не так?

– Сепсис развивается за сутки. – Смотреть на них было прикольно, и Нинка стала изучать лица сопалатниц. – Высокая температура, лихорадка, озноб, смерть. Завтра хоронить будем.

Растерянные округлившиеся глаза. Бровки приподняты, тонкие морщинки на лбу. Прищуры и снова морщинки. Губки надуты. А на носу – вон – прыщик.

– Ненормальная, – прошептала глазастая и побежала к воде. У нее был смешной купальник с высокими трусами до пояса и узким лифом. На трусах порхали розовые бабочки. А кольца она сняла. Сразу после дискотеки и сняла. Вот она – сила рассказа.

Красотка смотрела с недоверием. Словно опасалась, что Нинка сейчас накинется на нее и заразит. В глазах читался

вопрос: «Почему ты такая?», но она его не задавала. Нинка прикрыла веки и стала глядеть на реку. Солнце дробилось на волнах, слепило, обещало теплую воду.

– А почему ты не купаешься? – все-таки спросила красотка.

– У меня аллергия на солнце, – соврала Нинка. – Красными пятнами покрываюсь.

– Да? – красотка посмотрела на реку. У купающихся там явно не было никаких проблем с солнцем.

Нинка отвернулась, давая понять, что говорить об этом не будет. Все жаждущие наслаждаться жизнью, пусть это делают без нее. У нее своя жизнь, и они вполне притерлись друг к другу...

Отвернулась и увидела. Пося. Стоял в двух шагах и пристально изучал Нинку. Ей даже как-то икнулось от неожиданности. В душе метнулся крик «Убью!», потому что незачем было пугать добропорядочных граждан такими взглядами. Подумалось, что она в чем-то понимает кудрявую. Какой-то Пося упертый, а умирать не хочет.

– Пося! Ты чего там застрял? – крикнула бдительная вожатая.

Мелкий убежал, оставив Нинке на память взгляд. Такими покойники смотрят с могильных памятников.

Нинка поежилась и, чтобы не расползтись, перекрутила руки на груди. Пацан явно что-то хотел. Может, подзатыльник? Или он со всеми девчонками нарывается, чтобы они его

потом убивали?

Рядом остановились. Нинка подняла глаза на уровень восьмилетнего пацана, но уперлась взглядом в полосатую футболку. Тинтин.

– Чего сидишь? – лениво спросил он.

– Чего стоишь? – в тон ему ответила Нинка.

– Я тоже не купаюсь, – выдал Тинтин, усаживаясь рядом на землю.

Под деревом как-то разом стало тесно. Еще и с косой не купалась, не радовалась жизни, а сидела на любовно разложенном красоткой полотенце и смотрела на них. Вспомнилось, что на дискотеке ее отдельно интересовало, что это за парень из первого и почему все знают, что он лежал в изоляторе, а она нет. Может, он ей нравится?

Нинка покосилась на соседа. Парень был долговяз, вытянутое лицо с высоким лбом, полные губы, темные брови, еще рыхловатые детские щеки. На реку он смотрел с неожиданным восторгом.

– А ты чего не там? – спросил Тинтин, насмотревшись на купающихся.

– Мне нельзя подходить туда, где есть опасность.

– А чего так? – искренне восхитился Тинтин. И голос у него был звонкий. Прямо сама жизнерадостность в хрустящей обертке. С бантиком.

– А ты не знаешь?

– А должен?

Он быстро учится. Раз услышал – и уже отвечает вопросом на вопрос.

– Так всех заранее предупреждают, – словно нехотя заговорила Нинка. – Я в зоне риска, за мной охотятся. Поэтому находиться рядом нельзя. Я из-за этого одна и хожу.

Тинтин вытянул шею, оглядывая кусты на этой стороне и деревья на высоком противоположном берегу реки.

– Снайперы, что ли?

Нинке резко стало скучно.

– Ну да, я внучка президента.

Тинтин покосился на ее темную футболку, шорты, сланцы, сбитый черный лак на ногтях.

– Да ладно, – усмехнулся он не очень уверенно.

– Конечно, нет, – фыркнула Нина. – Молодец, что не поверил. Причина другая. На моем роду лежит проклятье. Вот уже много столетий у нас пропадают дети. Обычно удавалось сохранить одного-два, чтобы род не прервался. Но сейчас я осталась одна, и игра идет по-крупному.

– Кто же у тебя пропал?

Река искрилась. Народ смеялся. Тинтин был невыносим.

– У меня было три брата, – гробовым голосом сообщила Нинка. – Их увел человек в черной шляпе.

– Чего, так прям пришел и увел? – хохотнул Тинтин. – Они дураки, что ли?

Нинка молча смотрела на Тинтина. Он еще немного посмеялся, а потом скис.

– Дурак тот, кто думает, что от судьбы можно уйти, – изрекла Нинка.

– А чего не так-то? – не понимал Тинтин. – Он в дверь, а ты закрылся и не выходишь.

– От него нельзя закрыться. Это происходит ночью, когда все спят. Утром встают, а человека уже нет.

Это простое сообщение вызвало у Тинтина бурю радости. Он коротко хохотнул, заваливаясь назад. Но совсем упасть ему не дал корень. Тинтин напоролся на него, поморщился и выпрямился.

– Да ладно! – выдал он.

– Я не предлагаю тебе верить или нет. – Скучно, скучно. Как же Нинке было скучно.

Тинтин поерзал попой по земле, удобней устраиваясь, разрешил:

– Ну ладно, расскажи, как все было.

Нинка снова посмотрела на реку, на блеск ряби, на прыгающие по воде тела.

– Рассказать? Рассказать я могу. Что только потом с тобой будет?

– Нормально будет. – Тинтин вытер грязную ладонь и коленку, оставив грязный след. – Не тяни.

Нинка прикрыла глаза.

– Смотри, – заговорила, словно через силу. – Есть такое поверье, что если кто-то сделал нож и продал его, то нож теперь полностью принадлежит его хозяину. И если такой

нож потом у него украсть, то на вора перейдут все болезни и несчастья хозяина. Раньше так специально делали – брали нож убитого и дарили его врагу. Через месяц враг умирал в мучениях.

– Это ты к чему? – Голос Тинтина подохрип. Боль в спине от встречи с корнем дала о себе знать.

– Так же бывает с рассказами. Пока не знаешь, все хорошо. Но если тебе его рассказывают, он становится твоим, со всем своим проклятьем.

С косой кашлянула и отвернулась к реке. Да, ей лучше идти туда.

Тинтин смотрел, не мигая.

– Справимся. Начинай.

А вот у него ничего с лицом не происходило. Он просто ждал. Храбрый какой!

И Нинка начала.

– Моя семья жила в одном старом доме. Он был старый, все двери и ставни скрипели, а на втором этаже было слышно, что происходило на первом. Они там совсем недолго прожили, когда старший сын рассказал, что слышит по ночам музыку. Словно кто-то стоит под окном и играет. И эта музыка зовет его к себе. Никто ему не поверил. Семья легла спать. Среди ночи проснулся старший сын. Что-то позвало его к окну. Он подошел, посмотрел на пустое поле перед домом. Он был уверен, что там кто-то есть, хоть никого и не видел. Утром семья проснулась, а старшего сына и след про-

стыл.

Тинтин хихикнул.

– Как же они узнали, что он подходил к окну, если он пропал? Рассказывать-то было некому.

Нинка легко улыбнулась. Как скучно делать паузы в тех местах, где заранее знаешь, что произойдет. Но это всегда действовало безотказно. Можно было немножко понаслаждаться превосходством.

– Вот когда у тебя начнут пропадать родственники, тогда и узнаешь, можно ли рассказать, что было ночью, или нет.

– Когда пропадают родственники, значит, их надо искать на кладбище, – проявил свои знания Тинтин, но все-таки вовремя заметил, что Нинка его не слушает, а, поджав губы, изучает реку, словно выбирает, кого первого сейчас задушит. – Ладно, молчу. Узнали. Там, наверное, следы остались. Прямо под окном. Дальше что было?

– Дальше? – не меняя интонации, продолжила Нинка. – Его долго искали, но не нашли. И вот через какое-то время средний сын стал рассказывать, что слышит музыку. Родители заперли все окна и двери, сели сторожить, но не выдержали и уснули. Уснули и пропустили, как средний сын встал, разбуженный музыкой, и подошел к окну. На поляне никого не было. Утром среднего сына в кровати не нашли. И снова принялись его искать. Но ни следов, ни свидетелей.

– А чего они так босиком и уходили?

– Нет, пропадали их вещи – обувь, штаны с рубашками,

кепки.

– А драгоценности? Может, они еще деньги притыривали? Вы проверяли?

Тинтин издевался, старательно пряча улыбку. Но лицо, плечи, спина – все ходило ходуном, выдавая повышенную радость.

– Меня тогда еще не было, – холодно произнесла Нинка, и Тинтин немного подзавис.

– А откуда же ты?... – начал он и вместо слов пошевелил рукой. Тонкое запястье. Широкая ладонь с узловатыми пальцами. Они были длинными и, наверное, сильными. Еще и выгибались странно. Удивительная рука. Нинка потянула воздух, заставив Тинтина собрать свои конечности.

– Младший сын очень боялся, что тоже исчезнет, поэтому лег спать вместе с папой и мамой. Все крепко уснули. Среди ночи тихая музыка разбудила мальчика. Он открыл глаза и сразу повернул голову к окну. За ним не было видно поля. Там стоял человек с черными глазами и смотрел на мальчика. Когда родители проснулись, сына в кровати не оказалось. Кинулись они искать – а ночью как раз снег выпал – и увидели, что от окна к темному лесу ведут четыре пары следов.

– Это, значит, три брата и неизвестный? – загнул свои чертовы пальцы Тинтин – мизинец, безымянный, средний, указательный. – Четыре пары?

– А дело зимой было, да? – неожиданно встряла с косой. Про нее все уже забыли, а она сидела, слушала. – Ты говори-

ла, у них кепки были. Как же кепки – зимой?

Тинтин посмотрел на свои согнутые пальцы, на оттопыренный большой.

– Во история! – развернул он руку, поднимая большой палец вверх. – Треш.

– А через год у родителей родилась дочка, – Нинка пропустила все вопросы и восторги. Аплодисменты, гонорары и поцелуи – потом. – И перестали они думать о своих сыновьях.

– Ты что, та самая дочка? – Тинтин развернул вспотевшую от стараний ладонь и теперь равнодушно чесал ее.

– Все знают, что у меня были братья, но сейчас они не с нами, – призналась Нинка.

– А они у тебя были? – подалась вперед с косой. Вот кто просил ее лезть? Никто же не звал. Шла бы уже купаться.

– Да! Сначала пропал старший брат, потом средний, потом младший. И тогда родилась я.

С косой недовольно поерзала на полотенце, покосилась на Тинтина. Среди общей тишины особенно стали слышны крики на реке. Было странно, что не холодно и что не ночь. Ведь такие истории обычно слушаешь в сыром подвале или за полночь.

– И кто это их увел? – спросил Тинтин.

– Не важно, кто увел. Важно, что сейчас мы снова живем в том самом доме. И по ночам я слышу музыку.

– Так тебя скоро уведут? – резвился Тинтин. С косой хи-

хикнула.

М-да... компания. Ни сострадания, ни печеньки.

– Нет! Я скоро поймаю того, кто увел моих братьев. Я его видела. Он в черной шляпе с черными глазами. Когда он улыбается, кожа на его щеках трескается. Когда он улыбается, зубы шатаются и клацают и сквозь них виден зеленый язык.

– Какой? – подалась вперед с косой.

– Зеленый. Потому что у него зеленые кишки.

– Ты и кишки видела? – восхитился Тинтин. Он уже представлял себя королем сплетен и новостей. Это же такую бомбу можно зарядить! Весь лагерь ржать будет. Ну ничего, Нинка ему попортит праздник жизни.

– Нет, – легко ответила Нинка. Всегда было приятно общаться с людьми, которыми так легко манипулировать. – Но непременно увижу, потому что выпущу ему кишки и буду спокойно смотреть, как он подыхает.

– Разве такиедохнут? – Тинтин уже не скрывал улыбки. – Они должны растворяться в темноте. Рассыпаться в прах. Гореть при свете дня. Чего там еще? Помнишь, как в фильме...

– Он даже в твоей дурной темной башке не растворится. – Нинка наградила Тинтина тяжелым взглядом. – И не уведет тебя никуда никто.

– Почему?

– Зачем ему ты? Пустота. Голова звенит от сквозняка. Для

этого нужен дар. Проклятье. Тебя проклясть не за что. Пока же этот рассказ останется с тобой, и когда-нибудь ты его вспомнишь.

Тинтин булькнул. Неожиданно так. Всем телом дернулся. Его даже от места оторвало. Подпрыгнул, завалился на бок и стал ржать, перебирая по земле неуклюжими тощими ногами. Нинка машинально посмотрела на с косой. Та робко улыбалась. Ей тоже хотелось смеяться, но было неудобно. А еще немного пугали последствия знания рассказа.

– Ой, зеленые кишки, – бессильно выл Тинтин. Нинка с удовольствием отметила, что он бьется о землю башкой, сбивая свой невозможный кок. – Уводит. Черные глаза. – Он пытался приподняться, но падал обратно. Штаны с футболой становились все грязнее. – Ну насмешила.

– Чего у вас? – к своему полотенцу шла вся такая сияющая от воды красотка.

– Да у нас тут, – попытался сесть ровно Тинтин, но хлопнул себя по колену и снова повалился на спину. – Прок... крок... кх... ккккк... лятьеееее.

Он катался по земле и выл, выражая полное счастье.

– Косточкой подавился, – совершенно спокойно произнесла Нинка. – Вишню ел и подавился.

– Да она тут... – силился продышаться после смеха Тинтин. – Про монстров рассказывает.

– Ага, и картинки показываю. – Нинка поднялась.

– Какие картинки? – запуталась красотка. Она смотрела

то на одного, то на другого, на пустые руки, на пустоту полотенца. Что она пропустила? Что?

– Но ты же?... – расширила глаза с косой и показала на Нинку.

– Ну да, не купаешься, – быстро ответила Нинка. – И правильно.

Отвечать надо было сразу, сбивать, наводить панику и сесть неуверенность. Чем больше оправдываешься, тем хуже становится. Отрицаешь – попадаешь в дурной круг. Достаточно пустить в другую сторону. Это может сбить со следа.

– Чего? – нахмурился Тинтин. Или это был уже не веселый герой французских комиксов? Чубчик его сбился, сходство стерлось.

– Глисты там, в реке. – Нинка видела, что каждое ее слово убивает в с косой всякое понимание действительности. – Правильно, что не купаешься, говорю.

Нинка пошла к реке. Навстречу поднимался их отряд. Все накупались, все были счастливы.

– Да ты вообще чумная! – крикнул ей в спину из первого отряда.

– А с малышами не зазорно общаться? – равнодушно дернула плечом Нинка. – Смотри, засмеют.

Она бы еще что-то сказала – все-таки надо иногда бить на опережение, но тут перед ней опять возник Пося. Нинка мысленно посчитала, сколько раз за сегодня она его видела. Третий. У изолятора, под деревом и вот сейчас – у реки. Три

– магическое число. Уже можно начать напрягаться. Или во всем обвинить узость круга общения. Вот кудрявая ей больше не попадает. А Пося...

Восьмилетка всячески демонстрировал, что встреча эта не случайна – он смотрел. Пристально. Нинка еще немного поубеждала себя, что они тут все постоянно друг друга встречают, но взгляд мелкого говорил об обратном. Она собралась его спросить об этом. Или просто дружески дать пендаля, чтобы случайность уже разрешилась каким-то действием. Но Пося вдруг убежал. Бежал смешно, подпрыгивая, словно ему жгло пятки. Так что Нинка решила все списать на случай и на то, что она очень запоминающаяся личность.

Такая запоминающаяся, что о ней после ужина заговорили все и разом.

К вечеру весь лагерь знал, что среди них находится сумасшедшая. Тинтин расстарался, зарабатывая себе репутацию «своего парня». Видимо, в историю аллергии на солнце никто не верил. Но теперь-то про отравление никто не вспомнит. Потому что он стал источником другой информации. В Нинку тыкали пальцем, кричали в спину прозвища. Все радовались. С косой смотрела с сочувствием. Было плевать. Нинке ничего не стоило запустить этот слух в обратную сторону, чтобы он бумерангом засветил Тинтину в лоб. Но торопиться не стоило. Должно было пройти время. Немного времени. Месть – это блюдо, которое подают холодным.

На следующий день Нинкой многие интересовались, под-

ходили, просили рассказать историю, чтобы и на них перешла часть проклятья. Нинка шла мимо.

– С чего вы взяли, что это я? – спрашивала она. – Меня зовут Катя. А истории рассказывает Машка из третьего.

– Так сказали, черненькая, – терялись шутники.

– Меня зовут Катя. Вам кто нужен?

Нинка смотрела на них и в сотый раз ощущала восторг, от того, что разговаривает с людьми, с которыми никогда больше не увидится. Можно врать. Об этом тоже никто и никогда.

Шутники убегали. Нинка смотрела им вслед и думала, что лоханувшиеся один раз обычно не возвращаются. И сам Тинтин не появится. Так и было.

И вот когда она уже решила, что прошедшие двое суток – это хороший срок для того, чтобы начать мстить, перед ней вновь нарисовался Пося. В четвертый раз за последние дни. И заговорил.

Это было явное нарушение традиции. Тогда бы уже до седьмого явления дотянул. Или до шестьсот шестьдесят шестого. Нет, заговорил он на четвертый. Как раз перед обедом.

– А ты, правда, можешь убить? – хрипло спросил он. Кулачки сжал, пальцы на ногах втянул, сопелку расправил, взгляд ужесточил.

– Одной левой, – заверила Нинка.

Пося сопел. Можно было, конечно, ему помочь, подогнать вопросами, но это было скучно. Пускай сам справляется.

– Не, проклятьем. – Мелкий был невероятно серьезен.

– Плюну на след, человек замертво падает, – в тон отозвалась Нинка. Пришлось наклониться, чтобы глазами быть с ним на одном уровне.

– Дорого?

Нинка покосилась на его кулачки и на оттопыренные карманы шорт. Он всю мелочь туда запихнул? Или крупными купюрами пробавляется? Начало смены, деньги еще есть. Тратить их здесь не на что.

– Смотря что делать надо.

Нинке хотелось смеяться, но Пося был чересчур серьезным. Этот мог и обидеться. Потом пойдет к кому-то другому смерть заказывать уже на Нинку. Нет, этот спектакль надо было досмотреть до конца.

Пося привстал на цыпочки, дотягиваясь до Нинкиного уха.

– Танька конфеты у пацанов ест, а потом все на меня сваливает. Я ей муравьев в кровать, а она драться. И опять конфеты стащила. Прямо весь пакет. Пацаны ей кровать «заминировали», она свалилась и на меня показала. А я и не был тогда в палате. Теперь требует, чтобы я еще конфет раздобыл. Где же я их здесь возьму? Родители только через неделю приедут.

– Так, может, до родителей дотянуть? – нашла компромисс Нинка. – Дешевле будет.

– Она дерется, выкидывает мои вещи в девчачий туалет и вожатым постоянно на меня жалуется. Они заставляют меня

с подушкой в коридоре стоять.

Глаза Поси завлажнились.

– Зачем с подушкой? – прокололась на вопросе Нинка. Эх, сама любит так строить предложения, чтобы вопросы задавали, а тут на недосказе поймалась.

– Нас Лана так наказывает. Если кто-то разговаривает в тихий час, она его в коридор выгоняет в трусах и заставляет подушку с собой брать. Ее если на вытянутых руках держать, то быстро тяжело становится. Я уже, знаешь, какую мускулатуру накачал?

Пося показал свою руку. Мускулатура особенно не просматривалась. Глаза были убедительнее руки. В них всю поселился трагизм, но все же еще были пути отступления. Всегда можно лечь спать и забыть о печалях.

– Ну а ты ее ударь, – предложила Нинка. Выход был совершенно очевиден.

– Она орет тогда.

Аргумент.

– Так убивать будем, она тоже орать станет.

– А мы ее сразу похороним. Мертвые же не орут. Сама предлагала – убить и похоронить.

Нинка выпрямилась. Пося как-то сразу с нее соскользнул. Кулачки разжал. Не было там никаких денег.

– Давай сразу похороним. Без убийства.

– Так она же вырываться будет, – засомневался Пося.

Здесь было множество вариантов – связать, оглушить, на-

поить снотворным. А можно было и так, без насилия.

– Не будет, – пообещала Нинка. – Когда хочешь?

На круглом лице Поси расцвела радость. Так бывает с одуванчиком. Вот цветок закрыт, плотно сжат зелеными листьями, а через мгновение распахнулся, выпуская желтенькую серединку.

– Давай завтра, – решил Пося.

Нинка посмотрела по сторонам. Сегодняшний день был ничем не хуже завтрашнего. Светило солнце. Скоро обед. Мороженое опять же.

– День жизни – это щедро, – согласилась Нинка. – Прдержишься?

– Я у вожатых шоколадку стащил и Таньке отдал. Она станет есть в тихий час, Лана увидит и убьет ее.

Нинка усмехнулась. Она отлично знала, что если тут и будут кого убивать, то несчастного Посю. Причем самыми извращенными способами. Если уж тебя травят и ты побежал, то вырваться очень тяжело. Теперь главное – не дергаться. Иногда сама судьба все решает за тебя.

Глава 3

Гроб и похоронная музыка

Решать судьба все стала намного раньше, чем этого ожидала Нинка. Обед, мороженое, тихий час. Нинка лежала на своей кровати и смотрела, как по потолку плавают тени, как проскакивают солнечные зайчики, если лежащие около окна неожиданно подставляли под солнечные лучи что-то блестящее – заколку, зеркальце, обложку книжки или тетрадки. С недавних пор вокруг Нинки образовалась километровая зона отчуждения. Больше никто не говорил про поющих Ангел, не обсуждал парней, не говорил о своем прошлом. Нинку записали в сумасшедшую, в чудачку, в чокнутую, от которой еще и заразиться можно. Это было неплохо. Зато никто больше не лез с дружбой.

О том, что сейчас что-то произойдет, сказали тени. Они сдвинулись в сторону двери. И там, за этой дверью, кто-то показался. Хохолок торчал. Сколько дней-то прошло? Два, три? Вот неумный. Тихий час. Сейчас вожатые по шее дадут.

Хотелось засмеяться и, чтобы не выдать себя, Нинка закрыла глаза. Улыбнулась. Вот с улыбкой она ничего сделать не могла. Губы сами растягивались, помимо ее воли.

Щелкнула, открываясь, дверь. Девчонки тут же заголосили, стали тянуть одеяла и простынки на себя, прятать голые

плечи и спины.

– Иди отсюда, иди!

– Проваливай!

– Куда?

– Дверь!

Кто-то даже взвизгнул, пытаясь справиться со сползшими покрывалами и прикрыть неодетость. Но Тинтин не ушел.

– Катьку позовите!

Нинка повернулась лицом в подушку. Это было невыносимо весело.

– Какую? – Голос красотки, нотки гордости проскакивают. – Я Катя.

– Нет, вот ну, черненькую.

– Это Лиза. – В голосе красотки появилась обида.

– Я? – Скрипнула кровать рядом.

– Да вон ту. Эй!

Нинку тронули за плечо. С косой. Смотрит. Она что ли Лиза?

– Тебя зовут, – произнесла с косой.

Нинка нехотя села.

– Выйди, – качнул головой Тинтин и скрылся за дверью.

С косой отошла, давая Нинке возможность встать. Нинка уронила себя на подушку.

– Ты чего не идешь? – прошипела красотка. – Он же зовет.

– Маньяк тоже зовет, – буркнула Нинка. – Не идти же к нему.

Палата возмущенно взбаламутилась. Кто-то еще посоветовал куда-то пойти.

– Ты чего? – опустилась на свою кровать с косой. И тут же со всех сторон подхватили:

– Иди давай!

– Иди!

– Он пришел к тебе!

– Эй!

Нинка усмехнулась. Тени на потолке упорядочились и теперь выглядели нормальными – бродили туда-сюда, радовали.

– Ну? – все-таки скрипнул дверью Тинтин.

– Иди отсюда! – опять замахали руками девчонки и потянули простынки на голые плечи.

– Он тебя обидел? – склонилась над Нинкой с косой.

– В любви признался, – вздохнула Нинка. И опять эта улыбка. Сдержаться-то невозможно. – А я его ненавижу!

Теперь все смотрели на дверь.

Там ждал Тинтин. Правильно, что ждал. Народ запутался и желал уточнений. Дура она была эти уточнения давать.

– Таааак! Это что такое?

Максим. Вожатый первого. Недавно из армии. До сих пор ходит, как марширует. Судя по тому, с какой скоростью исчез Тинтин, Максим не из сентиментальных. Была бы здесь Наташка, с ней можно было бы договориться. Она тоже вожатка первого. Но Наташки не было.

Максим постоял около двери, прислушиваясь. Все забыли, как дышать. Даже кусты за окном не шелестели. Ручка на двери скрипнула – вожатый убрал руку и медленно пошел в сторону палат мальчиков.

– А чего в тихий час-то? – среди всеобщей тишины спросила глазастая.

– Чтобы свидетели были, – повернулась на бок Нинка.

– Так он же про тебя всякое говорит, – ахнули из-за спины.

– Придумывает. Хочет, чтобы я на него внимание обратила.

Нинка лежала и смотрела на с косой. Та сидела на своей кровати и во все глаза в ответ смотрела на Нинку.

– Вот... ненормальный, – зашушукались в палате.

– Все пацаны такие.

– Это у него из-за аллергии. Как может быть аллергия на солнце?

Все, считай Тинтин покойник.

Кровать под Нинкой качнулась – это с косой припала к ней.

– А что он сделал-то?

Вот из кого получится неплохой следователь. Вцепляется своими вопросами, как бульдог.

– Лез целоваться.

Кровать опять качнулась. Конечно, было бы приятно увидеть лицо с косой, но Нинка и так все хорошо представляла. Теперь они все будут смотреть на Тинтина и представлять,

как это. А он станет смущаться и краснеть.

Можно было еще кое-что сделать, чтобы закопать его окончательно. И Нинка уже придумала что. Оставалось найти кудрявую. Все-таки Пося попросил. Почему бы не помочь человеку. Какой у них отряд-то? Как бы в корпусах не заблудиться...

Но нигде блудить Нинке не пришлось. Кудрявая сама выбежала на нее. Сразу после полдника. Девчонка неслась через танцевальную площадку, вся такая воодушевленная. Немного подпрыгивала. Прыгучие они там все какие-то.

– Стоять! – приказала Нинка, и кудрявая застыла.

Ну... такая. Волосы темные, в рыжину, лицо белое, веснушки, глаза немного припухшие, носик маленький. Невысокая, но крепенькая. Взгляд быстрый. В шортах и футболке.

– Чего, как? – начала Нинка. – Хорошо живется?

В глазах кудрявой мелькнуло узнавание, и она попятилась. Собиралась сбежать, поэтому момент плезира можно было пропустить. Не хочет вести светскую беседу, не надо.

– Дело есть, – перешла на озабоченный тон Нинка.

– А чего? – резко пошла в глухую защиту кудрявая. – Меня Лана послала.

– Лана. – Слово мягко соскальзывало с языка. – А Пося – это имя или фамилия?

– Он дурак, – сразу насупилась кудрявая.

– С такой-то кликухой! – не стала спорить Нинка. – Чего учудил?

Кудрявая смотрела с недоверием. Вроде как и человек перед тобой, а вроде и инопланетянин. Нет, все-таки человек – улыбнулась.

– Он сказал, что я некрасивая.

– С чего вдруг?

Нинка еще раз оглядела кудрявую. Не красавица, да. Но такая, нормальная. Ярко выраженных недостатков не видно, не косая и не кривая. И не хромала вроде.

– У меня – вот, – кудрявая подняла челку. На лбу был шрам. Треугольничком.

– Гарри Поттер, что ли? – не сдержалась Нинка.

Кудрявая засопела. Понятно, шутка старая, приелась.

– Я об батарее, – обиженно сообщила кудрявая. – Чуть глаз не выбила. Он увидел и начал смеяться.

Нинку подбивало спросить про шоколадки. Кто все-таки начал. У нее было подозрение, что вредная кудрявая забежала вперед. А шрам – это уже так, отмазка. Кто в детстве не бился головой об батарею? Она знала девчонку, которая ухитрилась на кухне свалиться с табуретки, грохнуться на трехлитровую банку и распороть себе попу. Еще и вареньем из банки, что доставала, облилась. Вот это шрам. А другая девчонка поскользнулась в ванной и обрушилась на бачок унитаза. Зубы разбила передние. Потом еще хромала. Тут не захочешь, а засмеешься.

Кудрявая уже намыливалась бежать дальше. Мир для нее был несправедлив, а люди вокруг жестокие вурдалаки. Ей,

нежной снежинке, было с ними неудобно. Чего время тратить? Тем более сама Лана послала. Куда-то.

– Можно исправить, – в спину кудрявой бросила Нинка.

А вот интересно, Лана – она злая или просто так делает зверское лицо? Может, она детей не любит? Или у нее зуб болит? Бывает, нерв шалит. С ним кого хочешь не полюбишь.

Кудрявая опять встала. Смотрела, словно ее сухариком обделили.

– Это как?

Значит, заинтересовалась.

– Завтра после завтрака приходи сюда же в своем самом красивом платье.

– И что? Фотографироваться будем?

С фантазией у кудрявой было не очень.

– Мы похороним твои проблемы, и ты будешь как новенькая. Если, конечно, не захочешь быть как старенькая.

– Не захочу! – взвизгнула кудрявая. – А ты не обманешь?

– Не, мне за это заплатят.

Кудрявая настроилась бежать, последние слова ее затормозили.

– В смысле? – грубо протянула она. Посмотрела недобро. Вот так неси чудо во вселенные. Ты им – берите, а они тебя одаривают такими взглядами. Могут еще и палку достать.

– Мир становится лучше – чем не плата за работу? – мрачно произнесла Нинка. И если кто-то будет спорить, что не лучше... впрочем, ладно. Завтрашний день все покажет.

Кудрявая побежала, но мелко, продолжая сомневаться.

– А тебя как зовут? – остановилась она на крае площадки.

– Катя, – как можно приветливей улыбнулась Нинка. – А тебя?

– А меня – Таня! – обрадовалась кудрявая.

– Пося – имя или фамилия?

– Не знаю, – уже на бегу ответила кудрявая. – Его так Лана сразу звать стала.

Лана... имя кругло ложилось на язык. Как шарик.

Кудрявая Таня убегала. А не кудрявая не Катя стояла и смотрела ей вслед. В этом что-то было – знать, что ты больше никогда не встретишь человека. Никогда. Две недели, и это все можно будет забыть.

На площадку потянулись танцоры – здесь начинался послеобеденный кружок народных плясок. Надо было уходить. Ноги сами собой понесли к корпусу. Но уже на подходе Нинка поняла, что так просто сюда идти не стоило. Вот совсем не стоило. Потому что ее ждали. Тинтин. Чуб вверх, подбородок выпятил, губы распустил. Морально подготовился разбить врага. В пух и прах. Чтобы мокрого места не осталось. И еще как-то. Финальный выстрел в голову для верности.

– А ты чего всем треплешь, что я вру?

Тинтин выглядел озабоченным. Даже как будто ссутулился. Груз забот давил. Еще аллергия эта. В радость, конечно, от такого не впадешь.

– А ты не знаешь, Пося – это сокращенное от чего? – спросила Нинка и почесала укушенную коленку. Июнь, комаров море. Еще и окно по вечерам оставляли открытым. Гудело потом всю ночь, не спрячешься.

Тинтин задумался, задрал голову.

– От постной морды.

– Интересная версия. – Нинка содрала кожу и расчесывала уже кровь. Было приятно. Не все ж комарам эту кровь пить, пускай так просто прольется. – Может, от фамилии? Постников какой-нибудь.

– Еще он может поститься, – выдал версию Тинтин. Нинка удивилась, что он знает такие слова. А ну как и сам постился вместе с семьей? Чур меня!

– Мелкий для этого, – качнула головой Нинка и устало выпрямилась. – Хотя кто его знает, мелкого. Лопату найти можешь?

– Зачем? – От резкого перехода темы Тинтина качнуло. Нинка подошла к нему вплотную.

– В жизни все можно исправить. Говорят же – начну новую жизнь с понедельника. Мне завтра утром нужно.

– Завтра не понедельник, – Тинтин перешел на шепот.

– Новую жизнь можно начать в любой момент.

– В смысле?

– Тут главное удачно избавиться от старой. Если ничего не отпускать от себя, ничего к тебе и не придет.

– Совсем дурная? – разозлился Тинтин. Интересно, когда

он поймет, что с Нинкой лучше не связываться? – Еще раз скажешь, что я вру... Или еще чего выдумаешь...

– А ты говоришь правду?

– Ты же сама трепала!

– До завтрака сможешь лопату найти? Мы как раз успеем все подготовить.

– Что?

По лицу Тинтина было видно, что его клинит. Сейчас искра пробивать начнет.

– Ты хочешь все исправить?

– Ты ненормальная?

– Давай за корпусом. За час до подъема. Завтра.

– А тебя не Катя зовут? Я звал, звал, ты не откликалась.

Самое время было сказать, что ее зовут Саша. Или Женя. Нинке нравились «мужские» женские имена. Но на сегодня было достаточно. Пускай Тинтин уже сам поднапряжется и что-то сделает. А то что это ему постоянно на тарелочке все подают.

– Или Катя? – В голосе Тинтина появилась робость.

Нинка развернулась и зашагала к клубу. По дороге к нему густо рос чубушник. Цвел заливисто, по всем веткам. Нинка согнула одну. Она звонко сломалась. Неприятный запах сладости и ванили ударил в нос. То, что нужно. Завтра ей потребуется охапка. И еще простыня. Избавляться от прошлого, так помпезно.

Она легла с установкой проснуться в семь. Иногда такие

приказы помогают. Тут лишь бы самой все не испортить.

Утренний сон коварен. Даже если проснулся и решил всего на секундочку прикрыть глаза, ну так, чтобы последние сны с век снять, все, пропал, на час провалишься. Поэтому Нинка, понимая, что сейчас улетит, как проснулась, сразу спустила ноги с кровати.

За окном всю работу солнце, надрывались птицы. Хороший день. Подходящий для свершений. И ровно семь. Как по заказу.

В такой ранний час не спала уже половина палаты. Из тех, что «добирают» недосмотренное, ворочаются, прислушиваются к действительности, оглядывают окрестности, не изменилось ли чего за ночь. И здесь главное – не поймать взгляд. Поэтому Нинка натянула шорты, подхватила волосы резинкой, нащупала ногами шлепанцы и пошла к двери.

В конце концов в такую рань можно встать и в туалет.

Нинка миновала это славное заведение и сразу повернула к входной двери. На ночь ее запирали изнутри, чтобы никто чужой не вошел. Но сейчас она была открыта. Потому что в нее уже вышли.

Отлично! Считайте, что лопата у нее в кармане.

Нинка потянулась, прогоняя остатки ночной истомы из тела. И сразу услышала характерное цоканье. С таким красотки вышагивают на железных набойках, с таким старики идут, опираясь на палки с железными набалдашниками. Так тонкая лопата ударяется об асфальт. Умный Тинтин топал,

ударяя лопатой рядом со своей правой ногой. Ау! Кто-то еще не встал? Время подъема!

– Я даже не сомневалась, – вместо приветствия произнесла Нинка.

– Зачем лопата? – Тинтин выдвинул ее вперед и сделал жест, словно сейчас отпустит и уронит на Нинку. – Если ты не скажешь, я ничего делать не буду. И вообще мне ее надо быстренько вернуть.

– А ничего особенного делать и не надо. Только выкопай кое-что.

Неплохая лопата, звонкая. От неожиданности Тинтин опустил ее на ногу, взвыл. Лопата упала на асфальт. И от этого зазвенела.

Доброе утро, любимый лагерь!

– Не отставай, – скривилась Нинка и побрела к клубу.

Когда она выходила, человек пять вслед глядели. Сейчас из-за грохота эти пятеро плятятся в окна. Интересно, что они подумают, увидев лопату? Что они идут копать клад? Им тогда еще чемодана не хватает. Или что Тинтин от ревности решил прибить Нинку лопатой и для этого ведет в живописное место? Ладно, потом узнается.

Клуб место удачное. Непроходное. Если уж ты сюда пришел, значит, именно сюда и направлялся. Дорожка была тупиковой. Справа и слева ее охраняли высокие кусты. Что-то не цветущее, но густое. Так просто, с шага, их не преодолеешь. С разбегу надо. А разбежаться тут негде – дорожка

неширокая, чтобы три человека прошли. Или двое – отряды ходят парами, – но свободно. За клубом начинался лес. Хороший густой лес, натоптанный и заплеванный. Сюда бегали жаждающие неформального общения. И вот для этого «утекания» в иные миры между кустами была единственная лазейка. Кусты настойчиво смыкались. Надо было поднырнуть под них, туда, где стволы и почти нет веток, и на свободу.

Нинка поднырнула, цепанув волосы только одной веткой, и сразу повернула вдоль кустов, чтобы подальше уйти от пятка с окурками. Судя по треску, обладатель лопаты зацепился всей шевелюрой. И может быть, оторвал наконец свой невозможный кок.

– Вот здесь.

Они стояла под березой. Рядом были еще елка и дуб. Но береза выглядела эпохальней. Была в ней среднерусская тоска, закатная слеза и соловьиный размах.

– Что?

Даже если Тинтин и имел какие-то мысли, то высказать их он не успевал.

– Копай. Полтора на полметра. Этого хватит.

– Глубоко? – Он еще не понимал. Смотрел на елку, на дуб, на пробивающееся сквозь листву солнце.

– На лопату. В самый раз.

– Для чего?

– Для выправления жизни. Раз – и как новенький.

– «Бух в котел и там сварился»?

Нинка задумалась. Цитата была знакома, но не навскидку.
– Зачем нам кипяток? Копай. Надо до подъема управиться. А я – сейчас.

Нинка пошла к кустам чубушника и стала их с наслаждением ломать. Пахло одуряюще. Если кто сюда и придет, то не на звук, а на запах.

Вернулась через полчаса, наверное, а Тинтин все еще воевал с дерном. Трава плотно сцепилась корнями и не пускала лопату. Он неловко вгонял ее в землю, наклонял и бессильно вытаскивал.

– А чего она? – качнул он инструментом своего труда.

– Надо сверху землю срезать, – Нинка сгрузила охапку чубушника и с сомнением посмотрела на результат работы героя комиксов. – Потом легче пойдет.

– Кого ты тут хоронить собралась?

– Прошое. У тебя было что-то плохое в прошлом?

Тинтин почесал чуб, сбивая его вертикальность.

– От прошлого надо избавляться буквально – выбрасывать, закапывать, – решила просветить своего неспешного друга Нинка. – В Италии на Новый год старые вещи выбрасывают из окна. Если ненужное выбросить, то на смену ему придет хорошее нужное.

Тинтин поддел дерн, он снялся хорошим пластом.

– А про братьев и опасность врала? – спросил Тинтин, выпрямляясь.

– Если бы. – Нинка села на корточки, отметила, как ост-

рый край лопаты с харканьем врезается в землю. Камешков тут много, песка, резать дерн получается звонко. – На нашем роду проклятье. И трепать об этом – последнее дело. Я предупреждала, если кому-то это рассказать, проклятье передастся.

– Ваше отсталая, – от злости Тинтин стал работать активней. У него даже получаться стало.

– Кто еще дурак, – выпрямилась Нинка. – Для таких как ты специально фильмы снимают про заброшенные дома и старые проклятья. Но вы же ни черта не понимаете.

Она пошла за дуб.

– Ты хочешь здесь свое проклятье похоронить?

Идея была отличная. Над этим надо было подумать.

– Я бы тебя похоронила, – вздохнула Нинка, – но ты еще нужен. Копай.

Сказала, а сама пошла в самую гущу зелени. Рвать траву руками было не очень удобно. Острые края резали ладони. Но с другой стороны – хорошо, что она была. Июнь не конец июля, когда все уже вытоптано и выжжено. Трава лезла с корнями и землей. Корни – ладно, потом лопатой отмахнет.

То ли от злобы, то ли еще от чего, Тинтин вошел в работу, приспособился, копал бойко. Снятый дерн лежал в стороне. На другую он выбрасывал землю. Нинка таскала траву. Все должно было быть красиво.

– Что-то странное получается, – выдал Тинтин, в последний раз вгоняя лопату в землю. – Могила, что ли?

Нинка промолчала. Раскрывать карты было рано.

– Не, ну что у тебя в башке? Кого ты сюда класть собралась?

Себя из числа лежащих Тинтин сразу вычеркнул. Молодец какой. Смог подсчитать, что в полтора раза длиннее выкопанного.

– Тебя что-то волнует? – спросила Нинка.

Руки были грязные от травы и земли. Хотелось умыться. Даже больше – хотелось залезть в душ. Но утром это была непозволительная роскошь – времени нет.

Может, Тинтин думал о том же, потому что он качал головой и молчал.

– Пойдем, а то скоро подъем.

– А лопата? – оживился Тинтин. – Я сторожу сказал, что ненадолго.

О боже! Тут еще и сторож есть. Количество игроков в их команде увеличивается. Нет, Тинтин невероятен.

– Оставь. Я тебе после завтрака верну.

У входа в корпус Нинка обняла Тинтина. Обвила шею рукой, притянула к себе, заставляя наклониться, шепнула: «Спасибо!» И королевой пошла в стеклянные двери. Спина невольно выпрямилась. Она плыла вперед, оставляя безответными удивленные взгляды.

– Вы помирились? – тут же нависла над ее кроватью с косой.

Нинка потерла грязную ладонь. Она не заметила, кто их

увидел. Но что зрители были, не сомневалась. Слух быстрее долетел до палаты, чем она дошла до нее.

– Он дурак, – Нинка вытянулась на кровати. Вообще-то она устала, спину ломит.

– Да они целовались на крыльце, – фыркнула красotka.

Нинка закрыла глаза. Как же она все это любила. Искренне. От души.

Подъем, зарядка и завтрак снова создали вокруг Нинки зону отчуждения. И это было хорошо. После столовой ей не хотелось привлекать лишнее внимание.

– Ну? – подошел к ее столу Пося.

Нинка только занесла черенок ложки, чтобы размазать масло по хлебу. Нравилось ей так – белый хлеб, масло и сыр. Хорошо бы еще хлеб поджарить в тостере. Но можно и без этого обойтись. Никто масло не ест, бережет фигуру, а Нинке нравится. Ради вкуса и удовольствия можно миллиметром талии пожертвовать.

В этот раз жертва не удалась. Или была отложена.

Пося стоял, надув губы, словно их отряду масло не полагалось. А так же стульев и ложек. Кашу ели руками.

– Доброе утро.

Нинка отложила ложку. Вид у Поси был не очень. То ли помятый, то ли подслуханный.

– Ты зачем Таньке говоришь, что она некрасивая? – спросила Нинка. Кто-то в этой истории был крайний.

– Она первая начала, – произнес Пося и пришлепнул гу-

бами. – А сейчас с шоколадкой заложила. Меня Лана из-за стола вывела и сказала, что таким, как я, вообще нельзя давать есть. Ты когда ее убьешь?

Нинка покосилась на пустой стол. Девчонки уже поели и ушли, унеся тарелки. Остался стакан чая и кусок хлеба с неразмазанным маслом. Ну и на тарелке еще масло. Много. И сыр.

– Сейчас этим займусь, – Нинка придвинула к Посе хлеб, положила сверху сыр, прижала пальцем, раздавливая масло. – Через пару часов будет как новенькая. Не узнаешь.

– А это не насовсем?

– Как получится.

Нинка оглядела столовую. Первый отряд ушел. Был ли ей нужен сейчас Тинтин – не понятно. Она могла справиться и сама.

– Ты тут пей чай, – Нинка встала, уступая место Посе. – Две ложки сахара положила, ничего? А я пойду готовиться.

– Но ты учти, она очень шумная. – Пося сопел над угощением. Есть он хотел. Причем сильно. Но держал лицо. Крепкий пацан.

– Учту, – пообещала Нинка и отправилась к корпусу.

По палатам шныряли проверяющие – смотрели, как заправлены кровати. Если находили песок или замятость, сдергивали покрывала и переворачивали одеяла. Кровать с косой всегда была идеальна, а вот красotka чем-то провинилась. Разворошена постель оказалась и у Нинки. Это было

кстати. Она стянула простыню, скомкала и вышла в холл.

– Тааааак! – вышагивал вдоль палат Максим. – Кто еще не вышел?

Судя по шортам и полотенцам, все собирались на речку.

– Перррррвый отряд!

Нинка юркнула на выход. Ее отряд гнезвился в беседке. Все головы повернулись к ней. Нинка ввалилась обратно в корпус.

– Тааааак! – обрушил на нее Максим. – Почччччему ходим? Второй отряд?

Нинка коротко кивнула и повернула к своей палате. Проскочила мимо кроватей, ногами взобралась на красоткину постель и спрыгнула за окно.

– Ккккккуда? – напоследок рывкнул Максим, но это было уже не ей. На кого-то из своих кричал.

Пригибаясь, Нинка рванула вдоль кустов. Белые цветы норовили заглянуть в лицо, влезть в нос. У, чубушник проклятый!

Кудрявая маялась на танцевальной площадке. Она вырядилась – белое платье с воланами и кружевами, розовые цветочки и широкий красный пояс.

– Ништяк! – восхитилась Нинка.

– Правда? – Кудрявая крутанулась.

Нинка посмотрела по сторонам. В этом возрасте обычно по одному не ходят. Кудрявая совершила подвиг, если ухитрилась нарядиться и никого с собой не привести. В это не

верилось. Ну как так? Идешь в новую жизнь, и об этом никто не знает? Знает! Может, подглядывают? Не показываются? Или все-таки случилось чудо?

– А Посю-то чего заложила? – сбила праздничный настрой кудрявой Нинка. Кудрявая остановилась, с удовольствием послушала, как шуршит, опадая юбка, только потом ответила:

– Надоел потому что. Лана на меня так кричала! А мы долго? Наши на речку должны пойти.

Нинка молча повернула к клубу. Все на речке. Это хорошо. Кудрявая задержалась, сорвала белый цветок, вставила в волосы. Все-таки странно, что она одна. Нинка полезла в кусты. Кудрявая опять задержалась. Заботливая, хочет платье не испортить. Наконец, и она пролезла – Нинка услышала за собой быстрые шаги. И больше ничего подозрительного. Неужели, и правда, повезло?

Сорванная трава подвляла, чубушник напоследок пах так, что кружилась голова. Кудрявая терла кремовые туфельки – испачкала.

– Ну вот, – Нинка спихнула траву в вырытую яму, распределила ее по всей длине, прикрыла простыней. – Не испачкаешься. Ложись.

– А это не больно? – Боевой задор из кудрявой улетучивался. Она сделала шаг назад, наступила на чубушник. Хихикнула.

– Щекотно, – огрызнулась Нинка, подняла цветы и ста-

ла делать вид, что собирает букет. В душе появилась неправильная тревога. Нинка выпрямилась, заставляя себя думать о другом. Все она делает правильно, и нечего тут сопли распускать.

Кудрявая нерешительно смотрела по сторонам. Неужели все-таки ждет зрителей? Но ведь не знала, где спектакль. И Пося не знает. И если они не шли за ними с самого начала... Нинка глянула на березу, дуб, на далекие осины. Нет, дети бы себя давно выдали. Они не умеют долго и тихо сидеть в засаде.

– В ботинках ложиться? – спросила кудрявая.

– Ну не босиком же!

Кудрявая занесла ногу над простыней. Предупредила:

– Испачкаю.

– Ты собираешь возрождаться для новой жизни? – Нинка сбросила чубушник и взялась за лопату. – Фильм про Гарри Поттера смотрела? Там феникс был. Сгорал, а потом возвращался. Как новенький. Немного полежишь, а потом тебя не узнают. Одно условие – не орать и не дергаться. А то не получится.

Кудрявая очень серьезно кивнула.

– Хорошо.

Подобрала широкую юбку, сделала шаг в яму и села. Выправила ткань. Легла.

Нинка посмотрела скептически.

– Надо было подушку взять. Но и без нее... – она пере-

брала несколько вариантов концовки фразы... пусть будет ободряющая: – Справимся.

Кудрявая кивнула. Видно было, что она уже ничего не хочет понимать, просто со всем соглашается. Нинка набросила на нее края простыни, накидала на ноги чубушника. Взяла в руки лопату. Ссыпала землю раз. Другой.

И тут кудрявая заорала. На мгновение Нинка обреченно подумала, что мелкая врушка, обещала же молчать. А потом кудрявая начала вырываться. Вот и Пося оказался прав – дергается, еще как.

– Вы чего?

Тинтин.

– Совсем обалдел? – накинулась на него Нинка. Наверное, из-за шуршания земли о лопату она не услышала его шагов. – А ты заткнись, а то вообще кривой останешься!

Кудрявая всхлипнула и обиженно уставилась на Тинтина:

– А чего он?

– Тебя не звали! – вплотную подошла к нему Нинка.

– Ты ненормальная? – яростно зашептал ей в глаза Тинтин. – Ты же ее убьешь!

– Убирайся! Ты мне не нужен, урод хохлатый!

Оскорбление Тинтин пропустил. Чуть склонившись, он смотрел на Нинку. Глаза его бегали, губы он поджимал, придумывая и меняя начало предложения. Там наверняка были и ругань, и пожелания, и угрозы. Но сказал он другое.

– А я за лопатой пришел! – прошипел он. – Мне ее отдать

нужно!

– Потом отдашь!

– Сейчас! – Он все решил.

Нинка взбесилась. До белизны перед глазами. Как же она ненавидела сейчас Тинтина. Вот он стоял, смотрел на нее и мешал. Он только и мог, что мешать!

– Подавись своей лопатой!

Нинка перекинула черенок лопаты ему в руку. От безысходности, от того, что ничего не получается, что ей вечно устраивают проблемы, что постоянно находятся умники, говорящие свое, что развлечения всегда портят вот такие типы с хохолками, она пошла прочь, возмущенно взмахивая руками. Она слышала, как Тинтин несколько раз всадил лопату в землю. А потом опять заорала кудрявая. Может, ее, и правда, сначала надо было убить?

Нинка продолжала идти. Пусть хоть изорутся там. Кудрявая замолчала. Наступила тишина. Это даже интересно. Нинка обернулась.

Под дубом стояла Лана, вожатая с приятным круглым именем. Лицо у нее было уже даже не зверское. Она была бледна, глаза в пол-лица, а другую половину лица занимал рот. Он был распахнут. Лана, вероятно, тоже орала, но Нинка ее почему-то не слышала. Рядом с Ланой стояло несколько мелких, а в стороне Пося с мрачностью во взоре. Нет, не мрачностью. Постная у него была морда.

– Идиот! – наконец внятно произнесла Лана, подошла и

занесла кулак над Тинтином.

Нинка фыркнула, попыталась сдержаться, но все же засмеялась в голос. От хохота, от осознания всего произошедшего, она упала на колени и стала биться лбом о землю. Вот теперь ей было весело. Очень весело.

Когда первый приступ смеха прошел, Лана уже волокла Тинтина прочь. Мелкие бежали за вожатой. Бодро вскочившая кудрявая выбирала из рассыпанного чубушника самые красивые цветы. И только Пося шел в обратную сторону. Шел к Нинке.

– Ты чего? – спросил он.

Нина уперла кулаки о землю перед собой. Было колюче, но как-то уже неважно.

– Думала, скучно будет, а тут – бодряк.

– Ничего же не получилось.

– Не переживай, – Нинка села, отряхнула руки, стукнула по коленям, сбивая землю. – Она к тебе больше не полезет. Она вообще больше ни к кому не полезет. Мы ее похоронили. Все теперь будет по-другому.

Тут Нинка кое-что вспомнила, о проклятье, которое стоило зарыть, и резко посмотрела на яму.

– Ты давай, это... к себе в отряд, – прошептала она.

Надо было вставать. Ноги не слушались. Тело одеревенело. Она могла только смотреть на покрытую простыней могилу и видеть, что там кто-то лежит.

– А ты? – сопел Пося.

– А мне еще убрать тут надо. Простыню там... все дела.

Пося тормозил. Захотелось его стукнуть. Какого лешего он стоит?

– Она испачкалась, – пробормотал мелкий.

– Ничего. Иди. На обеде встретимся.

Пося пошел спиной вперед, нехотя переставляя ноги. Он все еще с сомнением смотрел на Нинку. Словно она могла в одно мгновение еще преобразиться, став феей в шелковом розовом платье с прозрачными крылышками. Наивный. Чудес в этом мир не завезли, и Нинка не была феей. Она просто сидела на земле в шортах и черной футболке, и лак на ее ногтях был сбит.

Глядя на свои ногти, она смогла собраться и встать. Пося испарился. И правильно. Потому что нечего ему было видеть то, что осталось в могиле. Человек в шляпе посмотрел на Нинку черными глазами и улыбнулся, показав ей зеленые зубы. И не было у Нинки в руке ножа, чтобы всадить ему в живот и выпустить его зеленые кишки, полные склизких лягушек.

Не помня себя, Нинка стала сбрасывать руками землю, закапывая свой ужас. А он рвался изнутри, выл, раздирая внутренности. Он пытался вылезти через рот, нос и уши, он перебирал волосы на голове, хватал за плечи, ледяной водой скатывался по спине.

Нинка сыпала и сыпала землю. Уже не было лица, не было ухмылки, пропала шляпа, но ей все казалось, что она слышит

смешок и видит, видит!

Глава 4

Человек с черным взглядом

Брат рассказал Нинке про красных человечков. Старший брат. Они все были старшие. Витек, Валерка и Вадим. Говорят, это была папина шутка – «В» в кубе. Рассказывал Вадим. Он пробирался к ней в комнату, садился под окном и начинал вещать. Что если посветить в глаз красным фонариком, то начнешь видеть красного человечка. За ним надо следить, тогда красный человечек выведет к своему тайнику с сокровищами. Но стоит к этим сокровищам прикоснуться, как рядом появится сотня таких человечков, и они сожгут тебя своими красными взглядами.

Вадима хотелось закопать, чтобы он больше не приходил. Ей всех их хотелось сжечь, зарезать ножницами или отравить таблетками, только бы не слышать мерзкого смеха, не участвовать в вечных шуточках, чтобы они не высказывали внезапно из-за углов, не прятали ее вещи, не вливали в тюбик зубной пасты майонез.

– Иди, поиграй с сестрой, – говорила мама, отправляя младшего сына к Нинке. Вадим улыбался и шел. У него был щербатый рот и прыщавая правая щека. Почему-то только она. Волосы соломой падали на глаза. Нинка сжималась. Она была одна, а их трое, и ей никогда было их не победить. Они наваливались разом и рисовали на лице едкой зеленкой

уродцев. Или прятали ее тетрадки, и тогда она получала за невыполненные уроки двойки.

Вадим любил ей петь песни про серого волчка, который непременно придет и укусит за бочок. Страшным в этой истории был не укус, а то, что после него ты сама за волчком пойдешь в лес, и он там тебя сожрет. Ничего нельзя сделать: ни спрятаться, ни убежать, ни закрыться ладошками – ноги поведут в лес. Ты не хочешь, но все равно идешь туда. И станет опять плохо. Как обычно.

Вадим Нинку ненавидел, поэтому раз за разом его рассказы становились все страшнее и страшнее. Он старался особенно. Витек с Валеркой такой фантазией не обладали. Да и времени у них на Нинку почти не было.

Нинка тянула одеяло на голову, затыкала уши. Вадим не останавливался. Он продолжал говорить, и, в конце концов, его слова проникали в Нинку. Про смерть. Что она живет в каждом доме. И что если прислушаться, то почувствуешь – она рядом. Скрипнул паркет. Это добрая подружка Смерть идет по коридору. Шаркают тапки, вздыхает старый линолеум под ногой. Старуха заглядывает тебе в лицо красными глазами, улыбается. И всегда поет песенку. Тихую ласковую песенку.

«Тили-тили-тили-бом...»

Нинка закутывалась в кокон одеяла, упирала лицо в подушку. Если не видеть, то ничего нет. Если не слышать, то пройдет мимо. Поначалу помогало, а потом перестало помо-

гать. Потому что ужасы больше не уходили, они все остались в Нинке. Собрались и стояли под окном или около кровати. А на горизонте был лес. Он ждал. Его не было видно из окон городской квартиры, но где-то же он был. Оттуда когда-нибудь за ней должен был прийти серенький волчок и увести в свое царство. Туда, где ее ждало главное Чудовище. У него было склизкое тело, редкие белые волосики, всю голову занимал один огромный рот. Каждую ночь ему надо было есть. Страх, отчаяние, слезы. А когда этого не доставало, то нужны были дети. И для этого волчок отправлялся в город. Тихий, серенький, незаметный, с большими грустными глазами, ушки домиком, над бровками собрались складочки. «Что, разве вы не пойдете со мной? Конечно, пойдите. Я ведь вам песенку спаяю. А пойдём мы по мягкой листве, по шуршащей траве, по веселому солнышку». И поведет по ухабам и колючкам, через кусты и елки. А ты даже и глаз не откроешь. Так в пасть и провалишься.

В отместку этим историям Нинка придумала человека с черным взглядом. Он должен был приходить и забирать братьев. Всех. Красть их. Если волчок стоял под дверью и ждал, то и братьев кто-то должен был ждать. Волчок с ними уже не справился бы – большие. А человек в черной шляпе с черным взглядом и зелеными кишками – в самый раз. От одной его улыбки все должны были каменеть. Но если волчок приходит с доброй ласковой песенкой, то человек будет появляться бесшумно. В тишине самый страх. И даже следов

не будет оставлять. Как пришел – никто не заметил. Только видно, что ушел. Ушел и увел. Навсегда. Куда – это Нинку не волновало. Главное, что становилось спокойней и на одного мучителя меньше.

Так и происходило. Братья исчезали один за другим. Сначала Витек, через год Валерка. Настала очередь Вадима. Он не хотел. Он пытался спрятаться. Что-то требовал от матери, грозил сбежать. Нинке тогда приходилось особенно тяжело. Вадим стал съедать всю еду, не оставляя ничего Нинке, выключать свет в туалете, закрывать замки в дверях так, что Нинка не могла войти. И тогда она сказала, что он все равно обречен. За ним уже вышел человек в черной шляпе. Вадим рассмеялся, прожег на ее новых джинсах сигаретой дыру и пообещал отправить этого монстра к Нинке. Это было вранье, потому что человек в черной шляпе приходил только за мальчиками. За злыми плохими мальчиками, которые обижали Нинку. Нинка, наконец-то, осталась одна.

Это был кайф. Первое время Нинка не знала, что с собой делать, как использовать свалившуюся свободу. А потом заметила, что как прежде накручивает одеяло вокруг себя, когда ложится спать, кладет голову на подушку так, чтобы плотнее прижималось ухо. И еще она стала прислушиваться. Прислушиваться и слышать. Как кто-то ходит по коридору, протаскивая старые тапки по паркету, как ведет рукой по шершавым обоям, как вздыхает прямо за дверь.

«Тили-тили-тили-бом...»

Она не могла вспомнить, откуда была эта страшная псенка, но от первого звука голову накрывало ватным одеялом ужаса. Перед глазами все начинало полыхать и взрываться. Кто-то кричал, падал и уже больше не вставал.

И вот тогда она увидела следы. Два следа от ботинок. Они были четко под их окном. Кто-то здесь стоял, смотрел на окна ее комнаты и ждал. Он не пришел, не ушел – другие следы не остались. Он был. Человек в черной шляпе и с черным взглядом. Появился на своем месте в ожидании новой жертвы. От него нельзя было ни убежать, ни спрятаться. Вадька пробовал – у него не получилось. Нинке оставалось либо подчиниться, либо победить. Она решила победить.

Вышла красивая могила для ее кошмара. Теперь он отлипнет от Нинки. Потому что это раньше она была плохая, обманывала и устраивала злые розыгрыши. Ей было скучно, и людей она считала глупыми. А теперь стала хорошей. Настоящей. Вот прямо с этой минуты. И ничего плохого больше к ней не привяжется. Ничего плохого больше с ней не случится. Никогда.

Подбирая простыню, она пошла к кустам с лазом. Надо было, конечно, кругом идти. Но слишком долгое утро выключило логику. Вот ее и поймали. Около клуба. Сутулый старший вожатый.

– Чего происходит? – накинулся он.

– Чего? – Нинка резко пожалела, что не пошла кругом. Еще простыня эта в руках мешалась.

– Это была твоя идея?

– Какая идея?

Старший округлил глаза. Это у него хорошо получалось – то ничего-ничего, а то вдруг раз – и глаза в пол-лица, еще и резко наклоняется, чтобы от твоего мира только эти глаза остались.

– Башки нет? – заорали эти глаза. – Она сидит в кабинете, икает от ужаса! Рассказывает, что ты ее закопать хотела.

Во кудрявая дает! Уже заикала. А уходила с песнями, венки плела. Чего это ее вдруг так перевернуло? А! Лана. Добрая Лана объяснила кудрявой, что произошло. Взрослые всегда отличались повышенной сообразительностью.

– Я тут при чем? – Нинка подпустила в голос обиду. – Я пришла, смотрю, копаются. Думала, грибы ищут.

Сутулый старший задумался.

– А простыня откуда?

– Они у меня ее стащили. Этот, который из первого. Отомстить хотел. Спать-то мне теперь на чем?

Сутулый старший не ответил. На лице у него нарисовались все скорби мира. Утро только, а он выглядел жутко уставшим. Как будто перед этим всю ночь бандитов искал. Кожа на лице собралась складками и обвисла.

– Сережа сказал, что это была твоя идея. – Старший смотрел вдаль. – Таня подтвердила.

– Ничего больше Сережа не сказал? – с тихой злобой спросила Нинка. Сережа, это, вероятно, Тинтин. – Или, может,

припомнил, что я летаю на метле и вызываю духов? — Нинка раздраженно скомкала простыню. — Он три дня про меня муру всякую несет. У кого угодно спросите.

Сутулый старший еще больше ссутулился.

— Что ж вы все кривые-то такие... — пробормотал он. — Иди в палату. — Он осмотрел Нинку. — А простыню выброси. Скажешь кастаньянше, что я велел новую дать.

Нинка усмехнулась. Но только в душе. Это была почти победа. Тинтин сам несколько дней нарывался.

Прошла несколько шагов и почувствовала, что радость улетучилась. Опять стало тяжело. Бросила простыню. Но рукам легче не стало. Они наливались свинцовой неподъемностью, тянули плечи, выгибали шею. Нинка чувствовала, как будто вернулась в старую страшную сказку. Никого из братьев давно нет, никто больше не устраивает засады, не выливает чай ей в постель, не закапывает в песочнице, почему же она до сих пор живет с ожиданием подвоха, что все это еще вернется? Почему человек с черным взглядом приходит?

Весь лагерь был на речке. В корпусе нянечка водила шваброй по скрипучему полу. Это была молодая тетка-хотушка, постоянно кокетничающая с Максимом. Работала она сейчас у палат первого отряда. Нинка прошла к себе незамеченной, села на кровать и стала смотреть на руки.

Шварк, шварк. Скрип.

Шаг тяжелый, с пришаркиванием, подволакиванием тапок. Такой шаг не мог быть у молодой. Он мог быть только

у старой. Из тех, что торопятся, но быстрее не могут.

Не дожидаясь, пока страшная старуха дойдет до ее палаты, Нинка сорвалась с места, руками врезалась в раму двери своей палаты, прошмыгнула через холл – только не смотреть, только не смотреть – налетела на дверь корпуса. Она не открывалась. Нинка билась в нее телом, слыша за спиной шварканье и скрип. Старуха приближалась. Старуха Смерть нашла ее.

Нинка билась и билась. Но тут дверь неожиданно распахнулась сама. Нинка выпала на улицу и врезалась в вожатую своего отряда Кристину.

– Ты что, с ума сошла? – сходу заорала вожатая. – Вас чего тут всех – на солнце перегрело? Ты хочешь, чтобы меня посадили? Ты почему не со всеми на речке? Где ты была, когда мы собирались? Это что за история с похоронами? Мне звонит Володя, говорит, что ты закопала девчонку из восьмого отряда! Голова твоя где? Скучаешь? Занятие найти не можешь?

В какое-то мгновение звук выключился. Это было очень удобно. Кристина кричала, краснела лицом, щурила глаза. Она была испугана. По дорожке к корпусу подтягивался народ. Все были наспех собранные, с мокрыми волосами. И тоже злые. И тоже хотели что-то сказать.

– Да пошли вы, – прошептала Нинка.

– Что? – округлила рот и глаза Кристина. – А ну, стой!

Нинка успела сделать несколько шагов. Голова была ват-

ная, ничего хорошего в ней не рождалось.

– Меня к директору вызвали, – бросила она через плечо. А потом все-таки добавила: – И вообще это не я. Это из первого. Тот, что в изоляторе лежал. Его там уколами накачали, вот голова и поехала. А я просто мимо проходила.

Можно было добавить, что ей скучно. Да, очень скучно. А утром было весело. Впервые. Не стала говорить. Зачем людей расстраивать? Утренняя история была из тех, что никогда не повторяются, о которых никто не напомним, не станет вместе с тобой пересказывать, наперегонки накидывая самые яркие моменты. Эта была из таких. Вспоминать о ней будет потом некому. Если только Тинтин вдруг не превратится в писателя и не напишет об этом книгу. Этот был способен на все.

По дорожке брел потерянный Пося. Нинка подумывала шагнуть в сторону, но остановилась.

– Опять ругать будут? – шмыгнул носом Пося.

– С чего вдруг? Про тебя вообще никто не знает.

– Лана всегда ругает, – вздохнул Пося.

Нинка покрутила на языке имя вожатой. Оно больше не казалось ни мягким, ни круглым. Оно быстро таяло, оставляя неприятное шипение газировки.

– Тогда чего бояться? Поругает, поругает, устанет и спать пойдет. Ты главное всем своим расскажи, что если у них появятся враги, то они могут сходить за клуб и что-нибудь пожелать там. А если в могилу еще и прикопать что съедобное

– шоколадку или яблоко, – то верняк исполнится. Твое желание исполнилось – все изменилось. Танька тоже теперь красивая. Про ее шрам никто и не вспомнит. Сама-то она как? – Плачет.

– А чего плачет? Довольная же уходила.

– Да ее Лана убедила, что все это плохо, что теперь она должна всего бояться и не спать по ночам, вот она и заплакала. – Пося встал на цыпочки, потянувшись к Нинкиному уху. – У директора говорили, что за Танькой отец приедет и увезет.

Нинка понимающе покивала головой. Вот, что бывает, когда люди лезут в дело, не разобравшись.

– Видишь, все твои беды и разрешились, – похлопала мелкого по плечу Нинка.

– А как же ты? – взгляд у Поси был жалостливый. Эдакая вселенская скорбь и готовность спасти последнего муравья.

– Если ты не станешь никому трепать о нашем разговоре, то все будет хорошо.

– А накажут? Танька все рассказала.

– Она рассказала свою версию, а ты гни свою. Вы чего пришли-то туда? Танька предупредила?

– Ее Лана искать начала – все же на речку шли. Девчонки и рассказали, что она наряжалась после завтрака. Мы пошли искать, и вдруг крик.

Тинтина за явление надо будет убить отдельно. А кудрявой респект и уважуха – никому не сказала, куда идет. Мо-

жет, оно и правильно, растрепала бы, что идет преобразаться, за ней толпа халявщиков увязалась бы. На всех могил бы не хватило. А так ей одной досталось.

– Значит, все случайно вышло, ты тут ни при чем.

Мелкий глядел на Нинку с восторгом. Видать, прессанули его в отряде по полной, а тут такая надежда. Нинке даже стало немного совестно – какой-то наивный оказался этот Пося.

– Тебя-то как зовут? – спросила Нинка, сбивая пафос момента.

От вопроса Пося засопел, сунул руки в карманы, словно приготовился к новой порции ругани.

– Я Паша. Павел.

– А Пося тут при чем? От фамилии?

– От имени. Получается Пося.

У Нинки этого не получалось, но Пося убежал, и все это стало неважным.

– Ты почему опять не в отряде? – неожиданно вырулил на нее сутулый старший. – Я не понимаю, твои вожатые собираются думать о безопасности детей или нет?

– Они только о ней и думают, – убедительно соврала Нинка.

– Ты же у нас Козлова?

Нинка покосилась на ветки стоящей поблизости березы. Они свисали тонкими плетями. Солнце поигрывало сквозь маленькие листья. Было красиво.

– Это же ты у нас со справкой?

А кора у дерева была неожиданно темной, вывернутой, словно испачканной. Солнечный свет в ней тонул. Вот бывает же так – в одном месте красиво, а другом – мимо.

– Эй! Ты меня слышишь? Козлова!

– Я, – кивнула Нинка.

– Ты можешь сказать, как все было на самом деле?

Теперь и ветки были некрасивые. Самые обыкновенные. А солнце осталось. Скоро обед.

– Он все специально подстроил. Ходит и постоянно всякую чушь про меня говорит. Что я черного человека вызываю.

– Какого черного человека? – напрягся старший. – Ты пригласила в лагерь взрослого?

Стало лучше. Вот прямо заметно улучшело, и бабочки залетали в животе, защекотали своими крылышками. К горлу подкатило счастье.

– Из первого, ну, который Сережа, сначала ко мне подваливал, мол, нравлюсь, а когда я его отшила, стал гадости говорить. Обещал закопать. И специально все с этой кудрявой девчонкой подстроил, чтобы на меня подумали. Мелких подговаривал. Спросите кого угодно в отряде. Он уже всех у нас достал. Его Максим от нашей палаты гонял несколько раз.

– Максим?

– Вожатый первого. Ваш Сережа ведь из первого? Вы у Максима спросите. Он вчера весь тихий час около нашей палаты простоял, чтобы этого не пустить.

Сутулый старший наморщился. В целом-то он был симпатичным парнем. И звали его Володя. Мягкие черты лица, темные глаза, ресницы длинные. Но он умел ухмыляться. Смеяться не умел. Дергал уголком рта. Неприятно. От этого все его обаяние улетучивалось. А когда морщился, так вообще становился похожим на старушку. Вот даже не жалко его сейчас было ни разу.

– Так... хорошо... – протянул сутулый старший.

Замечательное слово «так». Все в нем есть. А если чего нет, легко додумывается.

– Не ходи пока никуда, – приказал старший. – Посиди где-нибудь. – Он оглянулся и тоже увидел березу. Нинка сразу представила себя сидящей в развилке веток, над головой летают птички, она отмахивается одуванчиком. Но старший разрушил иллюзию. – Пойдем со мной, в изоляторе до вечера побудешь. Не надо мне, чтобы с вами кто-то еще говорил. Мне и так тут криков хватает. Этого идиота из первого вожатые восьмого чуть не убили. Прямо суд Линча какой-то.

Про Линча Нинка не слышала, но заранее решила, что мужик был неплохой.

Сутулый старший повел Нинку к административному корпусу. Навстречу им уже бежала-катилась полная медичка.

– Что же я раньше не видела? – взмахивала она руками, но не взлетала. Даже пятки от земли не отрывала. – И правда, есть справка. Что ж ты сама-то молчала? Ты же Козлова?

Нинка прошла мимо. Как по ней, так за последнее время она даже очень много чего говорила. А чего не говорила, того и не надо было.

– Но у нее же общая группа здоровья, я и отложила ко всем, – продолжала свои попытки взлететь врач. – Всего лишь повышенная нервозность. Что он там нес про каких-то братьев? Я звонила ее родителям. У нее действительно есть три брата, но они сначала ушли в армию, а потом уехали. Может, это с мальчиком что-то не так?

Хорошо, что Нинка уже прошла мимо и никто не видел ее лица. Потому что она широко улыбалась. Это всегда приятно, когда вот так. Как надо. И прямо красота вокруг разлилась. Сказочная. Теперь так всегда будет. Только хорошее.

С ней потом, конечно, поговорили. Про жестокость подростков, про необдуманность поступков и последствия. Нинка молчала. Ветром принесло информацию, что кудрявая, и правда, уезжает. Что вопрос с Тинтином решается. Оказалось, что его зовут Сережа Нелаев. Нинка пожалела, что узнала его фамилию. Тинтином он был интересней.

А потом у нее от всего этого разболелась голова, и уже в изолятор она пришла с единственным желанием – уснуть. Говорили, что в соседней палате спит в ожидании папы кудрявая. А Тинтина куда-то увели. Не увидятся они больше.

– На-ка, выпей!

Перед Нинкой появился стакан. Держала его пухлая рука в старческих крапинках.

– Зачем?

– Успокаивающее. – Врачиха улыбалась. Лучше бы она этого не делала. Получалось жутковато. – А то вы все как чумные. Лето только начинается, а уже пол-лагеря на ушах ходит. Пей! Дожить бы с вами до конца дня.

Нинка разгладила простыню. Белая и холодная. На удивление – очень холодная. Словно из холодильника. Почему? На улице тепло.

– Я не хочу пить, – наконец сказала Нинка. Вид у врачихи был какой-то недобрый. Куда она парня с коленкой дела? Съела?

– Давай, давай! Ты мне еще будешь капризничать! И так дел по горло. А тут еще истерики. Пей и ложись спать. Чтобы я ни звука не слышала.

Нинка взяла стаканчик. Жидкость масляно колыхнулась в пластиковых границах.

Выпила. Это была вода. Просто вода. Свежая. Словно из бутылки, а не из чайника, как у них в столовой.

– А этот... с коленкой из второго? Уже выписался?

Вдруг подумалось, что докторша может оказаться вампиром. Все, кто с открытыми ранами попадают сюда, никогда уже не выходят.

– Не могу же я вас всех держать вечно.

Докторша ушла. Дверь с ребристой стеклянной вставкой, перетянутой тонкими проволочками, звякнула. Долго дрожало стекло. Коридор за ним ломался и дробился. Фигура

докторши расползлась и разошлась в разные стороны.

И правда, поспать надо. Встала рано, бегала много. Скоро все равно в палату идти.

Нинка вытянулась на кровати. Белоснежная простыня, а она вся такая грязная. Даже руки вымыть не успела. Было боязно шевелиться. Простыня крахмально похрустывала. Крахмал... откуда-то Нинка это слово знала. Никто никогда в ее семье ничего не крахмалил. Но вот в книгах про это говорилось. У героев был крахмальный жесткий воротничок. Он упирался в подбородок, натирал. Наверное, если Нинка шевельнется, то острый загиб тоже упрется, и станет больно.

Нинка успела уснуть, потому что движение рукой ее разбудило. Во сне она испугалась, что порежется о простыню, и выпала из дремы в действительность. По голове пробежали мурашки, руки-ноги похолодели. На мгновение показалось, что она не чувствует пальцев на ногах, но это сразу прошло. Тело ее слушалось.

Сон ушел, но открывать глаза все еще не хотелось. А потом появился звук.

«Баю-баюшки баю... не ложися на краю...»

Нинка крутанулась. Песенка звучала, как будто со стен. Стены были белые. Никакие. Просто стены. Просто покрашены. Неплохо даже. Ровненько так.

«Я стою за спиной... я дую тебе в затылок...»

В затылок не дули, но волосы как будто зашевелились. Нинка быстро провела по волосам.

Глупости! Здесь никого нет. И окна закрыты. И двери. Неоткуда дуть. Если только отдушина?

«Смерть идет...»

Отдушины не было. Ровная стена. И эта стена как будто покачнулась. Сам цвет дернулся и пошел волнами.

Нинка подняла руку, и на мгновение ей показалось, что рука растворилась в белом.

«Придет серенький волчок...»

Окно. Точно. Оттуда. Тинтин развлекается. Мстит, комикс недорисованный. Это он зря. Это она его тогда в печке сожжет.

Нинка подкралась к окну. Вряд ли Тинтина пустили в изолятор. На улице он.

За окном было крыльцо. За крыльцом дорожка. Деревья, деревья. И где-то там прятался клуб.

Действительность запульсировала, резко приблизилась, бросила Нинку на стекло, потом назад и ударила об пол.

Сердце колотилось в горле, дышать было тяжело. Она втягивала воздух, а он не проходил, рождая страшные хрипы. Словно не она. Словно не с ней.

Поймала себя на том, что сидит и покачивается. Белая стена ближе-дальше. Подоконник опасно приближается к макушке.

Посмотрела на свои руки.

«Не ложися на краю...»

Нинка медленно повернула голову. Кровать. Она тут бы-

ла одна. Узкий пенал палаты и по центру у стены кровать. Ножки прикручены к полу.

Надо бежать!

Нинка резко вздернула себя на ноги, руками уперлась о подоконник. Окно было закрыто. Она водила пальцами по гладким рамам, ища ручку. Они были даже не сняты. Они тут вообще не были запланированы.

«Тили-тили-тили-бом... Кто-то ходит за окном...»

На дорожку вышел человек. Черное длинное пальто или плащ. Лето – конечно, плащ. И шляпа. Черная шляпа с большими полями. Человек поднял голову. Черные глаза. Улыбка, показывающая зеленые зубы.

Ужас шарахнул Нинку к двери. Перегородка опять зазвенела своей дурацкой вставкой. Коридор светел и пуст. А ведь здесь где-то кудрявая. Гулко отдаются шаги. Ударяют прямо в голову, перебивают дыхание.

«Не ложися на краю...»

Любимый старший брат. Они все были старшие. И все уехали из дома. Нинка их всех мысленно похоронила. Но они остались у нее в голове. Особенно Вадим. С его дурацкими песенками про волчка и смерть.

Нинка бросилась по коридору к лестнице. Направо. Она точно помнила. Затормозила, вписываясь в поворот. Лестницы не было. Коридор продолжался. Она перепутала. Лестница налево. Побежала обратно.

«Тили-тили-тили-бом...»

Гостем он пришел в твой дом...»

Перед поворотом обернулась. Показалось – мелькнула темная фигура.

Лестница.

Нинка схватилась за перила, вворачивая себя в поворот. Слетела, не чувствуя под ногами ступенек.

Дверь.

Еще вечер. Еще никто не лег спать. На улице еще есть люди!

Она рванула дверь и резко захлопнула.

Он стоял там. В черной шляпе. С черными глазами.

«Тили-тили-тили-бом...

Ждет тебя он за углом...»

Хотелось крикнуть, но что-то было с горлом. Его перехватило – и ни вдохнуть, ни выдохнуть, ни слово произнести.

На ступеньках вверх споткнулась, пробежала, помогая себе руками.

Влетала в палату, захлопнула дверь. Получилось громко. Перегородка звенела. Замок оглушительно щелкнул. Врачи-ха должна услышать. Должна прийти!

Звуки появились. По коридору шли.

«Придет серенький волчок...

И укусит за бочок...»

Нинка упала на кровать. Вся сжалась. Нет! Только не сей-

час! Этого всего давно не было. Это не могло вернуться! То, что уходит в ночь, там и остается.

Нинка потянула на себя простынку. Но она была такая тонкая, совсем не прятала от того, что наступало.

«И утащит во лесок...»

Нинка вдруг увидела себя у костра. Темный лес наступал, шумел листвой, напевал страшные сказки.

– Монстров можно убить только специальным ножом, – шептала сильно склонившаяся к огню Ирка. – Его делают из сердца тьмы.

– И он у тебя, конечно же, есть? – смеется веселый Серый. Ему что ни скажешь, все весело. И он никогда ни во что не верит. Вообще голяк с фантазией.

– Наивняк! – Ирка замирает, и ее лицо как будто целиком охватывают языки пламени. – Его нельзя просто так иметь. Он появляется, когда придет время. Ты идешь во тьму, и достаешь его.

– А тьма тебя того, – заливается Серый. – И остается от тебя один нож.

За спинами во мраке явственно шелкает ветка, шуршит.

После костра вокруг вообще ничего нельзя было разглядеть. Но идущий был чернее тьмы. И еще большей чернотой светились его глаза. Все молча смотрели на него. Он улыбнулся. И вокруг костра заорали.

«И утащит во лесок...»

Нинка дернулась, резко открыла глаза. Ощущение было –

не спала, только моргнула. Но по затекшему телу поняла – нет, не мгновение прошло, а гораздо больше.

Она лежала на краю кровати, вцепившись в деревянную раму, вся потная с головы до ног. Пальцы не разжимались. Было больно, но она ничего не могла сделать. Еще и шею свело. Так что смотреть она могла только перед собой и видеть свою руку. Рука была красная, словно ее кто-то схватил и сильно сжал. Недавно. Синяка еще нет. Но скоро проступит.

Глава 5

Иногда они возвращаются

Вечером было общее собрание лагеря, где директор, толстый добродушный Квадрат, очень строго говорил об играх. Что нельзя заигрывать, что все несут ответственность. Потом воспитательные лекции читали по отрядам. Про дружбу и взаимовыручку, про то, что отряд – это как единый кулак, всегда вместе.

Кудрявая уехала. Тинтин пропал. Шептались, что его посадили на автобус, и он сам доехал до города. Кто-то подслушал, что сутулый старший боялся: начнут травить. Вот и отправил его домой.

За Нинку не боялся никто. Она сидела в стороне. Проводили игры на сплочение, играли в «Веревочку», «Круг», «Телеграмму». С косой стояла рядом и постоянно смотрела в глаза. Она чувствовала себя немного виноватой – это же их кровати соседние, она знала, что Тинтин к Нинке пристаёт, она должна была быть чуткой подругой и все рассказать вожакам, предупредить, спасти.

Это ей как раз сейчас и открылось – что должна была. Теперь она отработывала за прошлое и настоящее. Нинка терпела. Она знала, что любое рвение ненадолго. Пара дней, а потом природа берет свое.

Время от времени появлялся Пося. Жаловался, что все

изменилось, что стало скучно, что вожатая Лана – имя теперь было колючее – пристально за всеми следит, что родители в наказание не привезли шоколадок. Нинка слушала, иногда подкидывала новую страшилку про реку с покойниками и про заброшенный лагерь на другом берегу. Пося пугался и убегал, чтобы назавтра вернуться. Что-то у него, видимо, не задалось с друзьями в отряде.

А потом лагерь закончился. На память все друг другу писали открытки, дарили угольки из прощального костра, обменивались адресами. На автобусах привезли в город. Всех разбирали родители. Вожатая Кристина терпеливо стояла рядом с Нинкой, смотрела по сторонам, показывала на проезжающие машины, спрашивала:

– Эта? Нет? Может, эта?

Нинка провожала взглядами серебристые Киа и черные бумеры. Максим стоял рядом, вытянувшись, как в военном строю. С каждой минутой лицо Кристины становилось все мрачнее, четче обозначались складки от носа к уголкам рта.

– Она вообще придет? Ты ей говорила?

Нинка выбрала красную машину. Хороший цвет. Машина была большая. Марка... Сейчас вот она повернет, и можно будет разглядеть значок на капоте. Тойота. Отлично.

– Вон она! – показала на притормозившую машину Нинка. Если очень захотеть, то машина вообще остановится.

И она сделала так – остановилась. Нинка подхватила сумку и рванула к перекрестку.

Из машины вышла девушка. Офигительно красивая. У нее прямо над головой табличка неоновая светилась – красивая.

На перекрестке загорелся зеленый, и Нинка шмыгнула к зебре.

– Нинка! – крикнул Максим. Хорошие у него легкие, разработанные. Он и побежать может. Если побегит, догонит.

Зеленый кончился. За спиной хлопнула дверь, слышнее заработал мотор. Нинка оглянулась. Красная машина все еще стояла. С водительского места на нее смотрел мужчина. Черная шляпа закрывала половину лица. Зеленые губы растягивались в улыбку.

Для машин загорелся зеленый, они рванули каждая в свою сторону.

Максим стоял на пешеходном переходе.

– Я сама! – махнула рукой Нинка. – Мать на работе. Она и не собиралась приходить.

Ему что-то сказала Кристина. Но Максим еще клонился, готовый шагнуть вперед под машины.

Наверное, Кристина опять говорила про ее справку. Сдвиг по фазе. Да пошли они. Ладно, не получилось стать хорошей в лагере, станет хорошей после него. Лагерь будет границей – до и после. До – уже неважно что было. А после... о, теперь все будет отлично.

До дома добиралась на двух автобусах, и это было даже немного смешно – сплошной тяжело-колесный транспорт.

Распаковала сумку и первым делом выкинула все открытки и записки, все адреса и фотографии. Никого вспоминать она не собиралась. Впереди был еще целый месяц лета, который можно было провести свободно. Мать не приставала – она выполнила свой материнский долг, отправила ребенка в лагерь, и опять занялась поиском своего счастья, то есть слянула куда-то на неопределенное время. Каждому свое – и это здорово.

Нинка сидела в чатах, смотрела кино, чувствовала, как наполняется хорошостью.

Это произошло на третий день. Знаковое число – три. Обычно не действовало, а в этот раз заработало.

В чате высветился незнакомый аватар – большая лягушка с желтым пузом, выпученными глазами и свесившимися лапами. Из пасти торчит сигарета. Лягушку держала крупная мужская рука.

«Привет!» – написал любитель лягушек.

Сайт услужливо спросил, хочет ли Нинка разговаривать с неизвестным. Нинка ни с кем не хотела разговаривать.

«Сгинь!»

Сайт все еще ждал ответа. Если нажать «нет», то желтая лягушка никогда больше не появится у Нинки на горизонте. А если нажать «да», то появится... Надо было уже вообще уходить из сети и заняться чем-нибудь другим. Повалиться на кровати, например. Люди, у которых все хорошо, так обычно и делают.

«Я тебя нашел!»

Нинка убрала руку с мышки – собиралась нажать на «нет» – откинулась на спинку кресла, прищурившись, посмотрела в окно. На березе сидела ворона, балансировала на тонких ветках. А за березой была серая хмарь.

«Теперь потеряй!», – отбила Нинка, не разрешая себе начинать перебирать в голове имена тех, кто мог ее найти. Не так, сначала надо было решить, кто ее мог потерять. Кто тот сумасшедший, что не рад ее исчезновению из жизни.

Ворона не улетала. Ветер покачивал ветку. Все шло своим чередом.

«Ты говорила, что мы никогда не увидимся. Что встретиться в большом городе невозможно».

Нинкин взгляд приварился к окну. Ветки ворону не держали, прогнулись, и она с карканьем улетела. Вслед полетел желтый березовый листик.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.